

Свершение наших планов

В канун нового года было опубликовано постановление Совета Министров СССР о новой великой сталинской стройке — о Волго-Донском судоходном канале. Эта весть разнеслась по всему миру. Друзья снова радовались вместе с нами, враги снова пытались умолчать о нашей созидательной работе.

Когда мы составляли свой первый пятилетний план, из вражеского лагеря раздавались возгласы о «фантазии», «беспочвенных расчетах», «неденных выкладках». Советские люди не обращали внимания на «скептиков» — они работали, строили, создавали. Тысячи крупнейших фабрик и заводов возникли на нашей земле в результате сталинской пятилетки.

«Мы живем в эпоху», — писал в те годы Алексей Максимович Горький, — когда расцветают от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращается с невероятной быстротой».

С каждым годом весь мир все больше убеждался в реальности наших планов, воплощающих единство воли миллионов советских людей. Так был разоблачен миф о «беспочвенных фантазиях» большевиков...

Советский человек-исполнитель поворачивает течение величайших рек и прокладывает путь новым подводным каналам, строит крупнейшие в мире энергетические узлы и создает новые моря, преобразует природу и кинает обширные просторы. Поистине грандиозны эти планы, определяющие контуры нашего будущего пятилетия. Но сегодня невероятных нет! Такова жизненная сила нашего государственного планирования, которое выражает политическую волю партии Ленина — Сталина, направленную на построение коммунистического общества.

Совсем недавно, на исходе 1950 года, советский народ вновь доказал своим делам великую жизнеспособность, реальность планов, начертанных гениальной рукой товарища Сталина. В рекордно короткий срок министерства угольной и нефтяной промышленности, министерства электростанций и путей сообщения доложили о досрочном выполнении своих производственных заданий, установленных на 1950 год — завершающий год послевоенной сталинской пятилетки.

Мы вступили в это пятилетие после тяжелейшей войны. Говоря сегодня о трудовой победе рабочих толщевой промышленности, энергетиков, железнодорожников, мы вспоминаем о разрушенном Донбассе, о мёртвом Днепродзержинске, о разбитых железных дорогах Европейской части СССР. Как недавно все это было и как безвозвратно ушло в прошлое!

Известно, что фашисты полностью разрушили Подмосковский угольный бассейн вместе с крупнейшей Сталинградской тепловой электростанцией. Уже в 1942 году были восстановлены в с шахты бассейна. В 1943 году добыча угля превзошла довоенную на 40 процентов. Сегодня уровень 1940 года превышен здесь в три раза! Возрожденные шахты питаются энергией восстановленной Сталинградской электростанции.

Начиная с 1945 года, каждый рабочий день в нашей стране вступало в строй в среднем четыре крупные государственные предприятия — заводы, шахты, нефтепромыслы, электростанции, железнодорожные депо.

Что же дало возможность целым отраслям промышленности — ведущим отраслям! — досрочно выполнить план послевоенной сталинской пятилетки? Это прежде всего неустанная работа партии, правительства, лично товарища Сталина о развитии социалистической индустрии. Это — величайший ватт беспардонного социалистического соревнования, которое в это пятилетие охватило более 90 процентов трудящихся Советской страны. Это, наконец, — качественно новые черты в творческом облике наших стахановцев, все более приближающие их труд к труду инженера, технолога, экономиста.

Недавно буровые мастера Туймазы подвели итоги социалистического соревнования за 1950 год. Знаменитый мастер Герой Социалистического Труда Иван Курпьянов бурил скважины со среднемесячной скоростью, равной 808 метрам, против

нормы 475 метров. Сместив подлинного новатора, большие восторженные аплодисменты были Курпьянову, чтобы добиться такого успеха. Но и его результат был превзойден на тех же промыслах Второго Баку. Первое место занял в соревновании ученик Курпьянова Касим Белядинов, добившийся скорости 938 метров. Движение скоростников стало массовым в нефтяной промышленности, — и в этом одна из причин успеха нефтяников.

С необычайной быстротой развернулось движение машинистов-пятилетников на транспорте, борьба за ускоренный график, за ускоренное использование локомотивов, — и в этом одна из главных причин победы пятилетки. В это пятилетие невиданными темпами проходило техническое перевооружение угольной промышленности: шахтеры научились из новой техники — горных комбайнов, угольногрузочных машин, скреповых транспортеров — выжимать больше, чем рассчитывали конструкторы. В этом — одна из основных причин их замечательной победы.

Невиданную по мощи технику дало государство в руки стахановцев — новые горные машины, высокопроизводительные буровые станки, локомотивы и электровозы, турбины и котлы высокого давления, полностью автоматизированные электростанции, заводы-автоматы. И советский человек — творец, новатор, создатель — показал такие результаты труда, каких не было, нет и не может быть в странах капитала.

Наряду со старыми промышленными районами — Донбассом, Баку, Грозным — мы видим в часе передовых новых промышленных районов, созданных по инициативе вождя на востоке страны. Досрочно выполнены пятилетний план «Кемеровоуголь» и «Карагандауголь». Еще в 1949 году завершили послевоенную пятилетку объединения «Башнефть», «Кудымшевнефть», «Туркменнефть». С каждым годом повышается в общесоюзной индустрии уровень всех этих районов, вызванных к жизни гением великого Сталина.

Семидесять лет назад, 7 января 1933 года, товарищ Сталин говорил, подводя итоги первой пятилетки:

«...История показала, что пятилетка является не частным делом Советского Союза, а делом всего международного пролетариата».

Неоценимое значение имеет наш опыт социалистического планирования и организации производства для стран народной демократии. Сегодня чехи, поляки, венгры, румыны, албанцы, вдохновленные примером советского народа, тоже строят свое хозяйство на плановой основе. И то, что наш народ успешно завершает послевоенную сталинскую пятилетку, несомненно, принесет свои плоды, поможет народам-братьям в их борьбе за социализм.

Могучим производственным подъемом охвачена наша страна. Это подъем сочетается с огромным политическим подъемом. Трудящиеся идут навстречу выборам в Верховные Советы Союзных республик, демонстрируя несокрушимое морально-политическое единство, общность задач в борьбе за коммунизм.

Уже первые дни нового года отмечены новыми успехами стахановцев. Вести об этом приходят со всех концов нашей необъятной Родины. Токарь Московского автозавода имени Сталина Сергей Бушнев ошашеновал первый день 1951 года высоким производственным рекордом — он обрабатывал детали со скоростью 1.780 метров в минуту. Уральские сталевары Гатауллин, Замараев и Веприков за первые сутки нового года сварили металла на 40 процентов больше, чем предусматривало планом. Бригада прославленного нефтяника Туймазы Ивана Курпьянова перевыполнила задание первой смены 1951 года в полтора раза... Наши стахановцы с первых же дней набирают высокие темпы труда.

Сегодня выносятся планы нефтяники и угольники, энергетика и железнодорожники, а завтра будут выполнены еще более грандиозные планы, возникнут гиганты на Воге, на Дону, на Днепре, на Амударье. Все намеченное сбывается! С полным правом называя свою жизнь радостной и счастливой, советский народ под водительством великой партии Ленина — Сталина борется за полное торжество коммунизма.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (2719)

Четверг, 4 января 1951 г.

Цена 40 коп.

Движение к великой цели

1.

Ночь степи звенит так, что кажется, миллиарды кузнечиков собрались где-то в одном месте. Звон катится волнами: то приглушенно, то оглушительно громко.

Мы сидим у костра и палим сухую траву перекати-поле. Она горит с треском, буйно, точно ее полили бензином. Облестки костра играют на поблескившем кочевье, заливая наши лица пыльным заревом, особенно лицо молодого композитора Миши Сидорина. Это по его настоятельной просьбе мы вышли из машины и разожгли здесь костер.

— Дочу послушать степь, — сказал он. — Я собираюсь написать музыкальную поэму о канале Вога — Дон. Понимаете, поэму! А канал перережет степь. Значит, я должен знать душу степей. Понимаете? Вот, послушайте. — И Миша тихо пропел мелодию степи.

Сейчас он сидит зачарованный, как и мы, равномерным звоном, облестками костра. Временами шевелит губами или вытаскивает блокнот и быстро что-то записывает.

Так мы молча просидели минут сорок. Миша Сидорин неожиданно встрепенулся, беспомощно развел руки и дрожащим голосом произнес:

— Ну, как? Как всю эту красоту подать в музыку? Вы только послушайте. Хорошенько! Ведь это гениальная симфония! — песня нотных степей.

— Да-а, — прогудел директор совхоза Перев, вот где у нас, — и довольно крепко он ударил ладонью себя по щеке. — Вы знаете, товарищ музыкант, что это звучит?

— Понятия не имею. По красиво. Понимаете, красиво. Красиво!

— Вы были на нашем участке скошенной луговны. Заметили, что она делается под погами?

И мы все вспомнили: вчера, осматривая поле скошенной луговны, мы слышали, как листики и остатки стебельков, перекаленные солнцем, хрустели под ногами, будто мажале, рассыпанные сухари.

— Так вот, — безжалостно продолжал Перев, — днем все накаляется от жары, горит, а ночью пышет. Нам дождь нужен. Пройдите. Рожь посеяли, а земля лежит в земле, даже не проклевывается: жара, сушь. А вы — «симфония».

И этими словами Перев из полнебеса сбросил нас на «грешную» землю. Миша Сидорин поджал руки, провел ладонями по лицу, словно омывая его, и прошептал:

— Убили вы мою фантазию...

— Такую фантазию не жалко убить. Я как-то, давно, положил, читал поэму одного поэта о Воге. И то, как оно прекрасно пахнет и то, как оно красиво поворачивает голову. И то и се... Ужаснее. Пахаете же на водах просто расчудено. Это степь та же симфония, что и вына, дорогой музыкант. Ведь тот поэт тоже со стороны умирался волами. И не знал, что вола во время жары ложится в борозду... и ничем их не поднять, а пахаете наде. Тогда пахарь напашет воду крутит хвост... отсюда разговорка: накрутит ему хвост. Боль невероятная. Вол поднимается. Но пока пахарь идет к следующему валу, первый опять ложится в борозду. Вот вам и поэма. Уж если вы хотите написать о канале настоящую музыку, то вам нужно понять реальные факты. Народную душу покажите... тогда ваша поэма станет поэмой, вдохновляющей на труд.

— А вы помогите.

— В музыке я помощник плохой: даже чижик-пыжик не спою, — ответил Перев и неожиданно расхохотался. Затем глянул на растерянного Мишу Сидорина и уже мягче произнес: — Ничего. У вас еще румянец на щеках. Вот когда он сойдет, вы познаете мудрость жизни... и тогда не будете умиляться тем, чем не следует. А теперь, если хотите, я вам кое-что расскажу. Мне ведь головок-то больше, чем вам.

— Очень прошу, расскажите, — вскинулся Миша Сидорин.

— Когда-то, еще до советской власти, в этих степях от голода погибли сотни тысяч людей, — начал Перев. — Сотни тысяч, — подчеркнул эл. — Такие годы в народе называют черными годами. Представьте себе, вместе с жаркой знойм плавит по небу микроскопическая пыль, походя на мельчайший наждак. Она сильной тучей застилает небо, и лучи солнца проникают сквозь нее, как сквозь грязную вату. Зной и пыль оседают на хлеба, склеивают их, точно золь. Представьте себе, стоят подсолнухи — маленькие, жалкие, с обвислыми, почерневшими листьями. Водон, речушка пересохли. Листья на деревьях, особенно на дубе, пылеют гусеницей. Травы не растут, падают сны, падают птицы, — вот как в Поволжье ломается голод...

Поздней осенью крестьяне, главным образом беднота, увидя, что сушевой не оставил им даже пригоршни зерна и что пала последняя коровенка, вспаленными

глазами смотрят в непросветную даль и шепчут:

— Буда тронуться? В могилку или куда ноги дотопать?

В какой-то день на деревне раздаются плач... и в какой-то час снимаются люди с мест. Люди — старики, старухи, пожилые, ребятишки, матери с грудными младенцами — трогаются на Вогу, на Дон, на Кубань — к хлебу. К куску хлеба! И по дороге гибнут. Гибнут те, кто тронулся с места, гибнут и те, кто остался дома.

Мы с отцом и матерью в одну такую страшную годину тоже тронулись к хлебу на Доншину, по этому вот самому тракту Маршань-Калач. Нас, ребят, было шестеро, отцу другого меньше. Был запасец хлеба, фунтов десять, но отец с дрожью в голосе сказал:

— Ребятишки, дорога нам предстоит тяжелая и длинная. Съедим остаток хлеба в первый день... и умрем. Питайтесь травой. Ешьте лебеду, подорожник. Тяните.

Но как мы ни «тянулись», четверо из ребятишек остались на дороге, закованные в канавках...

— А воды-то, мать, сколько, глянув на Дон, проговорил отец, — чуть погода снова начал Перев. — На поля бы ее нам, воду...

Под какой мечтой, рожденной страшной нуждой, жила еще и тогда в народе. Но ведь крестьяне-одиночки не могли превратить свою мечту в жизнь, а царское правительство не желало, чтобы воли Воги и Дона хлынули на крестьянские поля...

Перев смолк.

Весь-то подброшенная в кустер трава перекати-поле шумно затрещала, и все мы обратили внимание на болезненно-тошнотное лицо Перева. Но вот он передохнул, улыбнулся и обратился к Мише Сидорину:

— То, что я рассказывал, должно быть в записках вашей симфонии. А песня — протворение мечты народной в жизнь. Строительство Куйбышевской, Сталинградской плотин, строительство канала Вога — Дон и есть осуществление народной мечты. Мечты миллионов! Осуществление этих проектов ставит стране гигантские количества электроэнергии. Она пойдет не только в промышленность, но и в сельское хозяйство. Появятся электротракторы, электромобили, электромотоциклы, другие машины, все основные работы колхозов будут выполняться электричеством. На поля пойдут воды Воги, Дона... и тогда сгинут не только самые сухие, но и слова «сухой», «черная глина». Вот такая должна быть песня, молодой мой друг!

На небе побледили звезды, а на востоке еще невизимое солнце вознело в облаках золотистые стрелы.

2.

Этот разговор происходил поздней осенью.

Теперь уже зима. Она тонким слоем снега побелела степи, сухие травы, заморозила дороги.

Мы едем почти в той же компании, но к нам прибавился еще инженер Александр Петрович Александров — один из строителей канала Вога — Дон. Его допекает Миша Сидорин. Он задает Александру Петровичу уже столько вопросов, что, кажется, и спрашивать больше нечего. Однако Миша не умолкает.

— Скажите, Александр Петрович, — умоляюще глядя инженеру в глаза, просят они. — А до нас... до советской власти, разве никто не думал о том, как бы соединить Вогу с Доном.

— Думали. К серьезной работе приступили при Петре Великом. Только не тут, где мы ведем канал, а выше, около Камышина. Там есть речушка Камышенка, выходящая на Вогу: эта речушка почти соприкасается с рекой Павлей, которая вытекает в Дон. Там и намечался Петр соединить Вогу с Доном. Работы начались (и теперь еще остались следы земляных работ), но Петр, очевидно, был отвлечен какими-то другими государственными делами, и проект его не был осуществлен.

— Им-то зачем пужен был такой канал? — не успокаивается Миша.

— Зачем? Вога вытекает в Каспийское море, откуда, как вам известно, нет выхода в океан, и потому Вога считалась водной магистралью внутреннего значения. Соединить ее с Доном — значит, через Дон вывести корабли с товарами в Азовское море, отсюда в Черное, из Черного в Средиземное... то-есть во все страны.

— А они что, только и думали о торговле?

— О чем же им было думать?

— Ну, а о народе? Нам прошлый раз товарищ Перев о мечте народной рассказывал — воле Воги и Дона на поля. Александр Петрович скупно рассмеялся.

— Да разве до советской власти кто думал о народе?

— Это только у советской власти, у нашей партии мечта соединена с мечтой народа. А те, кто управлял Россией до советской власти, о народе не думали.

...Машина несется по гидротранспортированному шоссе вдоль трассы канала. По обе стороны канала огромнейшие земляные насыпи — песок, глина, щебень. Нам хочется сойти с машины и тронуться туда, где работают экскаваторы, деррика, грузовые машины, но Александр Петрович предлагает другое:

— Давайте сначала доберемся до Калача, там посмотрите Дон, а на обратном пути взглянем к тем, кто строит канал, тогда у вас в памяти сложится полная картина.

Машина взяла влево, закаталась на рывках и вошла в низину.

— Здесь, когда воды Дона хлынут в Вогу, будет огромное озеро, — сообщает Александр Петрович.

Мы перешагнули перешеек, по обе стороны которого, как бы наступая друг на друга, работают гигантские экскаваторы, захватывающие ковшом по четырнадцать кубометров земли. Мы о таких экскаваторах только слышали, но еще не видели их. Теперь видим вблизи. Посмотреть бы на них. Но нам надо, как гостям, подчиняться Александру Петровичу, и мы едем дальше, к Дону...

3.

Посмотрев на воды Дона, «поколесив» по городу Калачу, по его песчаным улицам, мы ринулись к тем экскаваторам, которые сегодня, проезжая через перешеек, издали видели.

Но примычавшись к перешейку, мы недоумоно остановились. Перешеек, через который сегодня утром мы переправились на эту сторону, почти не было: два экскаватора-гиганта втянулись друг на друга, как бы намереваясь стукнуться лбами.

Кто-то со стороны крикнул:

— Перезаезжайте, если не хотите оставаться там!

Шофер рванул машину, и мы очутились на другой стороне. Вышли из машины и, не веря своим глазам, тронулись к экскаваторам.

— Ведь утром они были на далеком расстоянии друг от друга, — проговорил Миша Сидорин. — Как же это? А теперь вот-вот, и от перешейка останется только воспоминание.

Экскаваторы работали с какой-то серьезнейшей напряженностью. Вот ковш поднялся, высоко вскидывая огромный ковш... и в этот ковш падает на землю, вырывается в нее... и четырнадцать кубометров выплывающегося на берег.

Мы стояли молча, прикованные взором к этой машине, созданной уральскими рабочими, и потому не заметили, как экскаваторы «доели» перешеек, а «доев», оба фыркнули, встали, будто сбросив с себя пыль, и зашагали по дну канала, словно два встречных пешехода.

У тут, конечно, мы не выдержали и закричали наперевоз:

— Вот это машина!

— Кто управляет этой машиной? Хочу поговорить с ним, — просит Миша Сидорин.

— Надо попросить, — отвечает Александр Петрович.

Вскоре на берег вышел юноша лет двадцати. На голову вытирая паклей руки, одергивая комбинезон, смущенно глядя в землю, он приблизился к нам.

— Чего звали, Александр Петрович?

— Гости хотят с вами, Леня, познакомиться.

Тут же Миша Сидорин запытал Ленью вопросом: «Сколько ему лет?», «Откуда он?», «Есть ли родители?»

— А как же? — усмеялся, ответил Леня. — Без родителей и человек появиться не может.

— Нет, я хочу спросить, живы ли? — Живы. Здоровы. Работают здесь, на канале. Мы всей семьей переправились сюда из Воронежской области.

— Почему? — не унимается Миша.

— Как почему? Зачем, вы хотите сказать? Историческое дело вершить. До нас ученые думали-думали, как канал проложить. Говорят, Александр Петрович, проект накопился столько, что в вагон не уместить.

— Вот он.

— Ну вот. А нам товарищ Сталин сказал: «Делайте». Вот мы и делаем с радостью. Закончим канал и немедленно переправимся на строительство Сталинградской плотины. Мы — тут впервые Леня поднял на нас молодые глаза. — Мы шло свернем суховою... непременно. И земля наша расцветет, как сад.

Да, земля наша расцветет, ибо если советские люди, особенно такие, как Леня, захотят, — они своего добьются.

Лишь у Миши стало задумчивым. Глядя на огромные насыпи, он тихо, но твердо произнес:

— Вот она — жизнь. Вот она, настоящая музыка...

СТАЛИНГРАД — КАЛАЧ

Международные

отклики

БАНКРОТЫ

Сторонники нынешнего авантюристического курса правительства Трумэна продолжают отчаянные усилия для того, чтобы опростать провал американской внешней политики и преодолеть резкое обострение разногласий в правящих кругах США. В канун Нового года с пространными заявлениями, которые заранее были разглашены как «ответ Гувену», выступил Даллес — Ачесон явно составлен по образцу известной песенки: «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

Признав, что 1950 год был «срачным» для США, Ачесон тем не менее заявил о «твердом намерении» правительства Трумэна «неуклонно осуществлять и впредь эту политику». Он предложил американскому народу на 1951 год решит Черчилля: «Взрыв, напряженный труд и слезы...»

Но такая политика страши простых людей США, она им не нужна. Члены конгресса буквально утопают в потоке писем и телеграмм от избирателей, выражающих резкое недовольство «ходом дел в Вашингтоне». Выборочное ознакомление с содержанием этих писем и телеграмм позволяет, как утверждает вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», сделать вывод о том, что подавляющая часть американского народа высказывает за пересмотр внешней политики Трумэна — Ачесона — Даллеса. Дарактерно, что даже из штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси, которые еще недавно считались итагелыми сторонниками Трумэна, поступило в сорок раз больше писем, резко осуждающих внешнею политику президента, нежели писем, эту политику одобряющих.

Американская печать деликатно изыскивает провал внешнеполитического курса Трумэна «кризисом доверия». Действительно, факты свидетельствуют о том, что не только широкие массы трудящихся США, но и многие представители правящего класса потеряли доверие к правительству Трумэна и его обанкротившейся политике.

Выходившая в Блгвазде газета «Пресс» опубликовала весьма показательное письмо президента «Линколы» Алекрия Уоллеса Липкольна. Чтобы выиграть на «королевской кулеры», — предлагает Липколь, — необходимо: 1) признать, что мы являемся агрессорами и не имеем никакого права вторгаться в Корею или в какую-либо другую страну; 2) вернуть нашу армию в Америку; 3) уплатить за убытки, причиненные нами Корею. Липколь требует «спелать Трумэна суку конгресса как поджигателя войны, отдавшего приказ о вторжении в Корею на незаконном основании, без разрешения конгресса...»

Разногласный лагерь «ревизионистов» — противников нынешнего внешнеполитического курса США — объединен общим требованием пересмотра внешней политики в сторону сокращения «чрезмерных международных обязательств». Их позиция, по образной характеристике агентства Ассошиэтед Пресс, состоит в том, что США «не следует откусывать лодку, которая они не в состоянии проглотить». Вывод, безусловно, не лишенный смысла...

«ИСПАНСКИЙ НЕДУГ»

г-на ТРУМЭНА

Накануне нового года, внезапно прервав рождественские каникулы, американский президент вернулся к исполнению своих служебных обязанностей.

Одним из принятых в ускоренном порядке решений явилось назначение некоего Гриффиса послом США во франкистскую Испанию. Решение Трумэна вызвало бурю восторгов в Мадриде. Франко в повеломном выступлении по радио великолепно объявил о признании некоторыми заокеанскими государственными деятелями своих «сошек».

«Важнейшее — род недуга» обе стороны — Трумэн и Франко — испытывали друг к другу, как известно, уже в течение довольно длительного времени. В январе прошлого года государственный секретарь США Ачесон в открытом письме сенатору Коннали высказался в пользу обмена послами с Франко, а несколько позже тот же Ачесон предложил принять франкистскую Испанию в агрессивный Северо-атлантический блок.

«Нашей основной целью в отношении Испании», — заявил он в американском сенате, — является включение ее в западно-европейское сотрудничество стран».

Наконец, на недавней пятой сессии Генеральной Ассамблеи Союзные Штаты, по словам уругвайского представителя, с готовностью «расстелил ковер для Франко» послушное дирижерской палочке Ачесона большинство отменило резолюцию от 12 декабря 1946 года об отозвании государством — членами ООН послов и посланников из Мадрида.

Американские хозяева настоятельно требуют от Франко поставки «голубых ил-вилли», но поджигателем войны крайне важно узнать, как писал американский журнал «Ньюсуик», «чем Испания может содействовать обороне Западной Европы (цитат: агрессивным устремлениям США — Лит.) не на Пиренеях, а на Рейне или на Эльбе».

От роли, отводной ему в агрессивных планах США, Франко, понятно, не отказывается — ему ли жалеть испанское «лушечное мясо»!

«До сих пор военной колеснице Атлантического союза хватало именно этих двух колес — нефашистской Германии и франкистской Испании», — пишет прогрессивный французский публицист Андре Спиль. — Тот факт, что Франко является естественным и неизбежным участником бросельской антисоветской коалиции, срывает этикетку, на которой написано «сплош» — «флакона с ядом».

Итак, в Мадрид направляется американский посол. Сия дипломатическая «акция» г-на Трумэна не случайно предпринимается именно сейчас, в обстановке сгустившейся до предела военной истерии. После бросельского совещания агрессоров в повестку дня поставлен вопрос о фашистской армии Франко. В этом есть «своя логика» — логика поджигателей войны.

ЛИТЕРАТОР

ПЕРВЫЙ ДОМ 1951 года

Этот снимок проекта первого дома, фундамент которого заложен в Москве в первые дни нового, 1951 года. Дом строится на Ленинградском шоссе по проекту архитекторов лауреата Сталинской премии В. С. Андреева и К. Д. Кисловой.

Центральная часть здания и выступающие боковые крылья, облицованные белой керамикой, как бы устремлены вверх — так легки и жизнерадостны их формы. Каждая из 247 квартир будет здесь солнечной. Жильцы получат детский сад, ясли, подземный гараж, зеленый двор-парк.

Дом будет сооружен в течение одного года передовыми индустриальными методами. Широко применены эти методы, строители Москвы в прошлом 1950 году одержали замечательную победу — воздвигли и сдали в эксплуатацию более 510.000 квадратных метров жилой площади, а в нынешнем году сдадут в полтора раза больше! Это будет год невиданного размаха жилищного строительства в столице.

Сборные перекрытия, сборные марши лестничных клеток, облицовка стен одновременно с их кладкой позволяет и строителям дома на Ленинградском шоссе намного ускорить работу и повысить прочность здания. Все процессы труда на строительной площадке — механизированы.

С каждым годом прекрасней и величественней становится наша любимая, родная Москва. Новые красивые дома сооружены за последнее время на улице Горького, на Саловом кочке, на Ленинградском шоссе, на Ново-Песчаной, Калужской, Новослободской и многих других улицах. В наступившем 1951 году во всех районах Москвы поднимается сотни новых домов. Будет закончено строительство первых высотных зданий.

Так, выполняя мудрые указания великого Сталина, советские люди превращают свою столицу в самый красивый и благоустроенный город мира.

ПРАЗДНИКИ ПЕСНИ

Псков. В районах области проходит праздник песни. В Печорском районе так и праздник открыл свойный хор, в котором участвовало около тысячи человек. С большим воодушевлением хор исполнил Гимн Советского Союза и «Кантату в Сталине». Задумчиво прозвучали старинные народные и современные советские песни в исполнении хоров Кудеярова, Паниковского и других сельсоветов.

Двадцать коллективов художественной самодеятельности колхозов, любознатель и шед приняла участие в празднике песни в Подновском районе. Особым успехом здесь пользовался хор пожилых колхозниц сельсоветов «Путь к коммунизму». Многие песни которого записаны на пластинки. Тепло встретили зрители мастерски исполненные хором песни

«Славим Сталина великого», «Хороши поля широкие», «О широкое Воге». Праздники песни состоялись также в Пы

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Искусственное дождевание

Однажды пришел ко мне токарь Александр Иванович Григорьев. Скромный человек, мастер своего дела.

— Шлохо мы еще бережем наше добро, — сказал он. — Идем по пеху и видим: там масло пролило, тут в стружку валются обтирочные концы. Про инструмент я уж и говорить не стану, как сухари. Шлоховато хозяйничать, подлудше бы надо.

— Но как же быть, Александр Иванович? — спросил я. — Что вы предлагаете?

— Надо бы помочь людям, довести их до сознания, — ответил Григорьев. — Что если сделать так, чтобы каждый из нас, рабочих, перешел бы на хозрасчет?

Хозяйственный расчет — дело не новое. У нас, да и на всех предприятиях, шести лавкам-лавно перешли на хозрасчет. Цеховой хозрасчет создает коллективную ответственность всех работников цеха за выполнение определенных показателей. Григорьев же предлагал сделать так, чтобы каждый рабочий лично отвечал за свой, пусть небольшой, участок. Администрация и общественные организации завода горячо поддержали его предложение.

На индивидуальной хозрасчет перешли 96 процентов рабочих нашего завода. Значение этого нового массового движения повсюду грандиозно. Отходы металла при его раскрое раньше казались неизбежными, но бригады жестянщиков Афанасий Ильич Ширшов доказал, что можно избежать отходов без отходов и только на этом экономить каждый месяц погорелые тоны стали. Наши шоферы-стогосыняшки Валентин Мирный, Иван Болдров, Алексей Рабулин водят машины, экономя тысячи рублей на ремонте и сотни километров горючего, смазочных и других материалов. «Реэны крошатся, как сухари», — говорил когда-то Григорьев. Теперь мы расходует в два с половиной раза меньше дорогостоящих резов.

Пять лет назад гидравлические тормозные стеллажи обходились заводу в сорять тысячу рублей, а теперь они стоят всего лишь около восьми тысяч. Новые установки для ремонта дизельной топливной аппаратуры, которые мы начали готовить в 1948 году, за короткий срок стали вдове дешевле. По самым скромным подсчетам, индивидуальный хозрасчет дает нашему заводу дополнительно в год четыреста тысяч рублей экономии.

Разумеется, мы не забываем о тех, кто борется за эту экономию. До тридцати процентов сэкономленных средств мы затрачиваем на премирование рабочих. И на зарплатах людей не обижается: средняя зарплата рабочего в начале пятилетия — 750 рублей в месяц, а теперь — 1050.

Таковы результаты минувшего пятилетия в области экономических показателей нашего завода.

Наш завод завершил пятилетку за три года девять месяцев и двадцать дней, и теперь мы как бы заканчиваем программу второго сверхпятилетнего года. Мы в четыре раза перевыполнили военный уровень производства, в три раза увеличили производительность труда, значительно снизили себестоимость продукции, дав при этом более тридцати миллионов рублей сверхплановых накоплений.

Владимир Ильич Ленин писал: «Коммунизм начнется там, где появляется самоуправляющаяся, преодолевающая тяжелый

труд, работа рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране намного пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достигаемых не работающим лично и не их «ближними», а «дальними», т. е. всему обществу в целом...»

Великое учение на наших глазах воплощается в жизнь. Мы видим сотни примеров того, как рядовые рабочие стараются сэкономить лишнюю реку, лишнюю килограмм металла или смазочного масла, сэкономить не себе лично, а своему заводу — «всему обществу в целом».

Прошли те времена, когда рабочий просто выполнял как даже невыполнимые задания только по количеству продукции. Одновременная борьба за качество изделий, за экономию материалов, за снижение себестоимости требует от наших рабочих выдумчивости, творческого отношения к своим обязанностям. Процесс труда стал поистине творческим процессом. В этом я вижу важную отличительную черту послевоенной сталинской пятилетки.

Творческий труд требует от человека более широкого технического и политического кругозора, более высокой общей культуры. Неудивительно поэтому, что коллектив завода учится.

Сексарь-лекальщик Владимир Спирянов занимается в вечерней техникуме, токарь Иван Ляховский перешел на второй курс вечернего машиностроительного института. Токляр Владимир Кузнецов уже окончил вечерний техникум и стал теперь мастером. Его участок — один из лучших сталковокских участков на нашем заводе. Евгений Палуков и Вера Емельянова завершают среднее образование в вечерней школе.

Лучшим результатом минувшего пятилетия в области культуры на нашем заводе может служить то, что количество рабочих, имеющих полное среднее образование, увеличилось за это время в два раза.

Книга прочно вошла в быт рабочего. Книга техническая, политическая, художественная. За последние два года вдове увеличилось количество читателей в заводской библиотеке и в несколько раз — количество выданных книг. Загляните в читальную формуляры фрезеровщика Юрия Незнамова, сверловщика Виктора Новикова, токаря Нины Старостинной, и вы увидите, как разнообразны их интересы. Они изучают «Что делать?», В. И. Ленина и биографии товарища Сталина, читают книги по фрезерному и токарному делу, романы А. Фадеева, М. Шолохова, М. Бубенцова, А. Первенцева.

И не берусь выводить коэффициент полезного действия чтения, учебы в наших производственных успехах. Но в то же время такой коэффициент существует, не может быть никакого сомнения.

Можно привести примеры непосредственного воздействия художественной, особенно современной советской литературы на труд наших рабочих. Вспоминаю электросварщика Семёна Доробина и токаря Зинаиду Ведюнову. Это были в начале пятилетки неприметные, плохо дисциплинированные люди, едва выполнявшие свои задания, допускавшие брак. Теперь и Доробин и Ведюнова — знающие стахановцы, отличные общественники. В частных беседах они рассказывали, что громадное влияние на изменение их отношения к труду оказали

образы героев «Далеко от Москвы» Умари Магомед и Таша Васильченко. Мне Батымазов тоже помогает иной раз. Сложная работа директора завода. Ежедневно приходится решать десятки, сотни самых разнообразных дел, и не всегда все задается. Иногда приходится спорить какое-нибудь решение, а потом, когда сам «остынешь» или укажет тебе коллектив, партийная организация, видишь, что решил необходимо, и отменяешь свое решение. Эти «качки» руководства, если можно так выразиться, и делу вредят, и авторитета директору не прибавляют.

В такие минуты я часто вспоминаю Батымазова. А как бы в том или ином случае поступил он — большой государственный человек, настоящий хозяин сложной и трудной стройки? И бы сказал, что так или иначе, как Батымазов, тоже учат нас в какой-то мере руководить предприятием. Герои подобных произведений — это наши «испытанные консультанты», наши помощники, советчики, друзья в жизни и труде.

Советские люди любят почитать о будущем. Мечтают и наш коллектив. И когда мы пытаемся хоть немного приоткрыть завесу будущего и заглянуть на пять лет вперед, мы не узнаем своего завода точно так же, как не узнают его сегодня те, кто бывал у нас пять лет назад. Мы видим на этом будущем Перовском заводе новые станки-автоматы, новые точные линии, рабочие в чистых белых халатах — командиры машин. И кажется мне, что в следующей пятилетке из нашего обихода должны совершенно исчезнуть такие понятия, как «брак» и «потери».

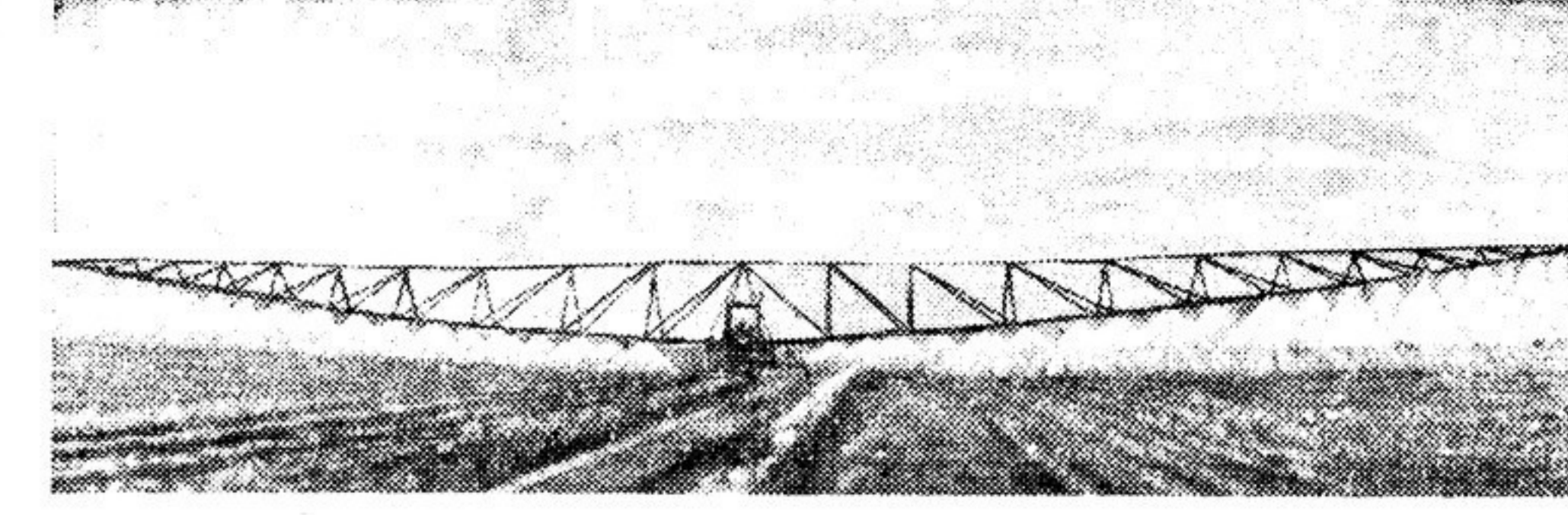
В одном из наших цехов — в экспериментальном цехе — мы уже сегодня видим машины будущего, машины новой пятилетки. Сейчас, к примеру, мы создаем агрегаты к электротрактору. Мы знаем, как широко будет применяться электричество после завершения великих сталинских строек на орошенных землях Поволжья, Южной Украины и Северного Крыма, на возрожденных землях Туркмении.

Сейчас у нас в работе более 130 экспериментальных образцов новых сельскохозяйственных машин. Мы мечтаем о том, чтобы наши изобретатели и конструкторы превратили в будущей пятилетке труд колхозников в труд максимально механизированный и высокопроизводительный.

И еще одна мечта на пороге нового пятилетия. Мы, хозяйственники, в большом долгу перед рабочими, которые, не зная усталости, с полным вдохновением строят коммунизм. Мало еще мы заботимся об удовлетворении бытовых и культурных нужд наших людей. В своих планах на ближайшее будущее я вижу новые жилые дома — удобные и красивые, новые клубы, кинотеатры, книжные магазины, новые сады, скверы, аллеи, новые школы, детские сады и ясли...

Мы смело мечтаем о будущем, смело заглядываем в свой завтрашний день. Мы хорошо знаем, что мечта, утверждаемая большевистской партией и советским правительством, одобренная великим Сталиным, перестает быть мечтой и становится государственным планом, а значит, по простому намеренному сроку — реальной действительностью.

г. ПЕРОВО
Московской области

Перед нами легкая алюминиевая модель: гусеничный трактор с двумя длинными крыльями-формами. В нижней части каждого крыла укреплена труба, от которой отходят длинные тонкие трубки с чашечками — распылителями воды. Так выглядят один из последних образцов советских дождевательных машин «ДМ-40», сконструированный Всесоюзным научно-исследовательским институтом гидротехники и мелиорации.

Первая в мире дождевательная машина была создана в нашей стране еще в 1875 году Г. Армистеком. С тех пор советская техника механического орошения ушла далеко вперед.

Искусственное дождевание позволяет орошать поля, строго соблюдая нормы полива, нужные растениям в каждый период их роста, при этом дает возможность рационально использовать воду. Оно способствует повышению урожайности.

До сих пор дождевание применялось у нас главным образом на огородах, лесных питомниках и ягодниках. Для развития механического способа полива, по постановлению правительства, в последние годы созданы шесть опытных дождевательных станций — в Московской, Сталинградской, Грозненской областях, на Украине, в Узбекистане и Азербайджане.

Директор Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации А. Каревский сообщил нашему корреспонденту о новых конструкциях орошительных машин следующие:

— Закончено испытание ряда новейших типов дождевательных механизмов. В Курск составлена выездная комиссия научно-технического совета нашего института. На-

ряду с другими вопросами орошения в центральных черномозных областях на этой сессии были подведены итоги испытаний дождевательных машин «ДЖ-48», «ДМ-20» и «ДМ-40», а также электрифицированного двухколесного и самоходного дождевательного агрегатов. Они отличаются друг от друга своей производительностью и степенью механизации полива.

Рабочий, пользуясь поливными и вывозными бородами, орошает вручную около полдюжины гектара за смену, а электрифицированный агрегат, обслуживаемый одним человеком, — до двух гектаров. Гидравлический самоход поливает за тот же срок при двух рабочих до шести гектаров, а «ДМ-40» — до 8 гектаров.

Самая маленькая установка «ДЖ-48» орошает за вегетационный период 16—20 гектаров, а мощная машина «ДМ-40» — 100—160 га.

Как показали испытания, каждая из новых конструкций имеет свои преимущества. Однако выявлены и некоторые недостатки, над устранением которых работают авторы конструкций.

Добиваясь усовершенствования и распространения названных конструкций, — сказал в заключение А. Каревский, — мы работаем и над созданием новых. Они должны быть более производительными, дешевыми и полностью механизированными. Наши конструкторы стремятся создать механизмы, в наибольшей степени отвечающие задачам искусственного дождевания как в старых орошаемых районах, так и в тех, которые в ближайшие годы возникнут в районах будущих гигантских новостроек — на Волеге, Аму-Дарье и Днепре.

Чудесная нить

Волокно из стекла и изделия из него — одно из замечательных достижений науки и техники за последние годы. Превращение стекла — твердого и хрупкого материала — в тонкую нить и мягкую шелковистую ткань уже не фантазия, а реальность. Огромный интерес к этому новому материалу объясняется многими его ценными свойствами: исключительной прочностью, высокой температурной стойкостью, химической устойчивостью, отличными светотехническими и электроизоляционными качествами, стерильностью, а также сравнительно дешевой. Почти повсюду распространено сырье — силикаты, — из которого готовится стекло для выработки волокна.

Советские ученые разработали технологию производства стекловолокна, сконструировали аппаратуру; налажено производство стекловолокнистых материалов: ваты, войлока, пряжи и тканей.

Сейчас во Всесоюзном научно-исследовательском институте стекляного волокна достигнуты новые успехи. Создано, правда, пока экспериментальное, волокно в 3—4 микрона — на 2 микрона тоньше серийного. Впервые удалось получить разноцветное волокно — синее, золотистое и коричневое. Это была легкая задача, если учесть, что из обычного цветного стекла цветное волокно не получается — интенсивность окраски в очень тонких волокнах падает, и она становится незаметной.

Научные сотрудники института провели множество испытаний, давших поразительные результаты.

Доказано, например, что материалы из стекляного волокна по своим теплоизоляционным свойствам значительно превосходят получившиеся в последние годы широкое распространение шлаковату вату и минеральную шерсть. Установлено также, что волокнистое стекло заглушает звуки в 2,5 раза эффективнее, чем ковровая ткань, и в 2,5 раз лучше, чем кирпичная кладка.

Эти обнаруженные свойства стекловолокна направили мысль ученых на решение вопроса о применении специальных изделий из стекловолокна в строительстве и промышленности, что позволит соорудить дома, поезда и различные типы городского транспорта, куда не проникнут бы шум, даст возможность сохранять нужную температуру.

Ценные результаты дала совместная работа научных сотрудников института с инженерами аккумуляторных заводов. Установлено, что применение стекляного прокладок толщиной от 1,2 до 2,5 мм резко повышает эксплуатационные качества аккумуляторов. По приблизительным подсчетам, лишь один из аккумуляторных заводов может ежегодно сэкономить несколько миллионов рублей. Как показал опыт работы ряда заводов Министерства электротехнической промышленности СССР, применение стекляного волокнистой изоляции значительно удлиняет срок службы моторов, двигателей и различных машин.

Новый материал — стекловолокно, успешно осваиваемый нашей промышленностью, имеет богатейшие заманчивые перспективы.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЧУТКОСТЬ — НОРМА ПОВЕДЕНИЯ!»

Под таким заголовком 28 октября 1950 года в «Литературной газете» был помещен обзор писем читателей. В обзоре приводился пример невнимательного отношения общественных организаций города Иваново к судьбе больной девушки Ирины Епифановой.

Как сообщает в редакцию секретарь Ивановского обкома ВКП(б) тов. Егоров, после выступления газеты у И. Епифановой повысил депутат Верховного Совета СССР профессор Претеченский и работники областного и городского комитетов ВКП(б).

С детства прикованная к постели, Ирина успешно занималась сначала дома, а затем в областной заочной школе взрослых. Сейчас она учится в десятом классе. Однако дирекция заочной школы формально, без достаточного внимания и заботливости относилась к этим занятиям.

«В настоящее время, — пишет тов. Егоров, — учителя ходят на дом к И. Епифановой и помогают ей в учебе. Профессор Претеченский организовал лечение Ирины. Сталинский райком ВЛКСМ готовит И. Епифанову к вступлению в ряды комсомола.»

Ответа на обзор писем «Чуткость — норма поведения!» и секретаря Уфимского райкома ВЛКСМ тов. Сатаев. В обзоре были приведены выдержки из письма врача З. Лигетти, говорящие о безразличном отношении Ждановского райкома ВЛКСМ Уфы к судьбе двух тяжело больных комсомолцев — А. Клементьева и Ф. Саламатовой.

Как пишет тов. Сатаев, бюро Уфимского горкома ВЛКСМ 14 ноября обсудило обзор писем, помещенный в «Литературной газете». Факты, изложенные в письме тов. Лигетти, полностью подтвердились.

Шура Клементьев принят в девятый класс 45-й средней школы; товарищ комсомольцы часто бывают у него дома, помогают в учебе.

Фея Саламатова начала работать в артели «Юноперост» и там же стала на учет в комсомольской организации.

Однако ответ тов. Сатаева не во всем может удовлетворить наших читателей. Из этого ответа трудно понять, какие выводы для себя сделали Ждановский райком и Уфимский горком ВЛКСМ, просмотрели ли товарищи из райкома комсомола стиль своей воспитательной работы (об этом-то и говорилось в письме тов. Лигетти) или они ограничились мерами по двум единичным фактам.

Редакция надеется, что Башкирский обком ВЛКСМ и Уфимский горком партии помогут комсомольцам серьезно разобраться в сигналах о нечутком отношении к их товарищам.

«ИЗ ОДНОГО ЗЕРНА»

Под таким названием в «Литературной газете» 28 октября 1950 года была помещена статья. В ней сообщалось о прозявавшем в Баку новаторе М. Вербицком, выращивавшем новые высокоурожайные сорта пшеницы и ячменя. Опыт, имеющий большое государственное значение, встретил бюрократическое отношение со стороны некоторых руководящих работников Министерства сельского хозяйства Азербайджана.

Министр сельского хозяйства Азербайджанской ССР И. Абдуллаев сообщил в редакцию, что вопрос об опытных посевах многоурожайных сортов пшеницы и ячменя обсуждался в Совете Министров Азербайджанской ССР и на коллегии Министерства сельского хозяйства. По указанию министерства были заложены два опытных участка: один — на территории Азербайджанской государственной селекционной станции и второй — на Шувелянском сортоучастке. Дальнейшие опыты с многоурожайными культурами включены в проблемно-тематический план Азербайджанской государственной селекционной станции на 1951 год. М. Вербицкий зачислен сотрудником Института земледелия Академии наук Азербайджанской ССР. Вместе с тем дано указание директору Агоселекстанции принять на работу ближайшего помощника М. Вербицкого, студента С. Чалагына.

«ВЕРНУТЬ К ЖИЗНИ»

Под таким заголовком 1 июля 1950 года была опубликована в «Литературной газете» корреспонденция, в которой указывалось на отсутствие в системе Министерства здравоохранения СССР мастерских для ремонта хирургических инструментов и медицинской аппаратуры.

Заместитель министра здравоохранения СССР тов. А. Шабанов сообщил в редакцию, что «министерством детально изучен вопрос о постановке ремонта инструментария, аппаратуры и медоборудования и разработан план реорганизации этого дела. В системе министерства предполагается организовать управление по ремонту, в задачу которого будет входить: разработка профиля и дислокации ремонтно-монтажных мастерских в СССР, создание областных, межобластных и специализированных мастерских; расширение и улучшение работы существующих мастерских; организация выездных ремонтно-монтажных бригад. Всего в стране намечено открыть 112 хорошо оснащенных мастерских».

«ПО СВОДКАМ ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО...»

В статье под таким заголовком («Литературная газета» № 111 от 23/XI 1950 г.) критиковалась деятельность Ярославского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Правление Ярославского отделения обсудило статью на заседании президиума и утвердило конкретные мероприятия, направленные на улучшение работы областного отделения и повышение качества лекционной пропаганды.

Письмо в редакцию

Мы знаем, какой любовью пользуется книга у советского человека, какую огромную роль играет она в нашей жизни. К сожалению, находятся люди, которые думают по-иному.

Работа Архангельского областного библиотечного коллектора обширна. Он комплектует государственные, профессиональные, школьные, колхозные библиотеки. Из года в год растет сеть библиотек, обслуживаемых нашим коллектором. Достаточно сказать, что в 1939 году мы снабжали 220 библиотек, в 1949 году — 418 и в 1950 — около 600.

Архангельский коллектор ежемесячно перевыполняет план. Но этого еще не доста-

И В ТЕСНОТЕ, И В ОБИДЕ

точно. Чтобы полностью удовлетворить запросы библиотек, надо увеличить реализацию литературы в полтора-два раза. Вот этой-то возможности мы и лишены. Коллектор занимает всего две небольшие комнаты. Инвентарные библиотеки комплектуются... в коридоре.

Наше помещение, которым мы пользуемся до войны, занято конторой первого Архторга. Совет Министров РСФСР и Архангельский облисполком обязали председателя городского исполнительного комитета тов. Рачкова вернуть облисполкому до 1 сентября прошлого года наше помещение или предоставить взамен равноцен-

АРХАНГЕЛЬСК

К. УСПЕНКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БЕЗ ПЕРЕМЕН

На восток, низменном берегу Днепра, среди огромных корпусов сталепрокатных и машиностроительных заводов, я увидел черную, будто безмозговую, единственную здесь недвижимую трубу. Это и была Нижнеднепровская бумажная фабрика.

— Разве она не работает? — спросил я своего случайного спутника.

— А вы присмотритесь, — ответил он. — Видите — воздух над трубой колеблется? Полное стояние топлива. У них лучшие в Днепротетровские котельные.

Нота уважения, правящая в голосе моего собеседника, самый контраст между этой недвижимой трубой и другими окружающими ее трубами заставляли меня думать, что на фабрике трудятся сотни людей, любящих свое дело коллектив. Впрочем, уже полчаса спустя, обходя фабрику в сопровождении сменного мастера Илья Егоровича Полякова, я пришел к мысли, что здесь очень много всякого рода контрастов!

Посередине обширного двора возвышалось здание отделочного цеха. Изредка над ногами глухо вздрагивала земля — это с перекаченной станицы сбрасывали новый рулон бумаги. А прямо против ворот, сразу за аккуратной, выложенной кирпичом дорожкой, поднималась гора таких же рулонов. Впрочем, уже не так: стилизовано припаркован полем, полузапыленная лесом бумага пожелтела, выгорела на солнце, местами пожелтела.

Илья Егорович, молодой уже человек с живыми глазами и решительными движениями, переждал мой взгляд.

— Сорек три тонны. Сто тридцать рулонов... Вы понимаете, — вступил быстро и взыскательно заговорил он. — Я работаю здесь двадцать лет. В Советском Союзе нет

вероятно, бумажной фабрики, на которой мне не пришлось побывать. Но вот так-то... — он кивнул в сторону рулонов. — Такого я нигде, никогда не видал. И не узнаю.

— Но почему же ее не убрать, эту бумагу?

— Убрать? — усмехнулся Илья Егорович. — А вы были у нас на складе? Не было! Поидемте.

Мы шли вдоль железнодорожной ветки, заваленной грудами угля с одной стороны, бумажной макулатурой и отходами — с другой.

Нижнеднепровская бумажная фабрика, по сути дела, еще не начала работать нормально.

Первый проект предусматривал строительство дерево-массового завода, работающего на сплавном древешии.

Семь крупных специалистов подписали проект. Два министра — министр бумажной промышленности УССР и министр бумажной промышленности СССР — утверждали. И никто не обратил внимания на то, что в самом тексте проекта (глава IX, «Экономическая часть», стр. 159) черным по белому было написано: «По данным отдела лесного хозяйства Управления упломночного Главлесоохраны при Совете Министров УССР, ресурсы основной древесины в 12 лесозапов Клевской и Черниговской областей, расположенных по реке Днепру и его притокам, могут обеспечить потребности Н. Днепровского дерево-массового завода на 4,5 года (!) при условии, если в вся основная древесина полностью пойдет на баланс». К этому проекту приложено отношение Министерства лесной промышленности БССР, в котором сообщается, что продукция приднепровских лесозаводов Белоруссии целиком идет на удовлетворение местных потребностей. Любому человеку ясно: сплавной древесины на длительный срок предприятие

обеспечить нельзя. Транспортровать же по железным дорогам баланс перерабатываемого полуфабриката, как до войны.

Но специалистам-бумажникам это не важно. Проект утверждается, начинается строительство, на фабрику прибывает ценнейшее оборудование, и только тогда в министерстве спохватываются: через четыре с половиной года фабрика останется без сырья. Проект отменяется, спешно разрабатывается новый. Технологические оборудование дерево-массового завода предназначается для другого строительного завода и... вот уже три года, обстоит и покрывается ржавчиной, в разбитых ящиках, валяется оно под открытым небом на территории «склада» сырья и химикатов Нижнеднепровской бумажной фабрики.

Несмотря на все трудности, кадровые рабочие героически борются за честь своего предприятия: главный соточник С. Гурский, отходивший фабрике сорок лет своей жизни, работал плотником. Мастер П. Поляков монтировал бумажную машину. Слесарь А. Шонов просто не уходил из цеха. Весь коллектив жил одной мыслью, одной целью: как можно скорее дать высококачественную продукцию.

А в министерстве, в Укрбумтресте равнодушные люди не считались с требованиями фабрики. Вы не получили электрооборудования? Запланировано на второй квартал 1949 года. Нет леса? Мы уже переделывали свои фонды.

Рабочий коллектив сделал почти невозможное. 4 апреля 1949 года в цехе запустили первый рулон полуфабриката. Через два с половиной часа соточник А. Косенко выдал первый рулон бумаги. Но можно себе представить, что это была за бумага!

Еще не закончили первую очередь, еще некуда было складывать бумагу, которую рабочие изготовляли ценой самоотверженного труда, как министр тов. Г. Овлов приехал приказ № 606 от 27 июля 1949 года: «К ноябрю 1949 года смонтировать, опробовать и пустить бумажную машину № 2» и уже после этого, после пуска в работу второй очереди, с 1-го января 1950 года построить

отделочный корпус и склады сырья, химикатов и готовой продукции!»

И вот в дектябре 1950 года возведенные под крышу здания складов все еще стояли без кровли, ибо Министерство лесной и бумажной промышленности не может обеспечить все предприятие запланированным ему лесом. Пушениа, наконец (с опозданием на целый год!), вторая машина, по и она простояла добрую половину рабочего времени, так как технологическое оборудование ролного цеха не в состоянии обеспечить бумажной массой две действующие машины.

Наши издательства, типография, газеты требуют все больше и больше бумаги, а в Министерстве лесной и бумажной промышленности считают возможным, нормальным, допустимым хранить готовую бумагу на улице!

Месяца три назад на Нижнеднепровской фабрике состоялось совещание передовиков производства и инженерно-технических работников.

На совещании были оглашены любительские опыты. Крупнейшая на Украине фабрика, «Нижнеднепровская», должна выпустить высококачественную типографскую бумагу № 1. Нормами предусмотрено 85 процентов продукции первого сорта. Претеченский фабрика дала в текущем году только около 40 процентов качественной бумаги. Все остальное пошло вторым, третьим сортом и в брак.

В чем же дело? Кто виноват в этом?

Совещание дало исчерпывающий ответ на эти вопросы.

Соточники А. Косенко и С. Богутский, инженер А. Фейгель, котельщики Н. Тесло и Г. Квят, сменный мастер И. Поляков рассказали о том, с какими возмущительными переживаниями относятся руководители фабрики к предложениям рабочих. На многих участках производственного потока технологические инициативы, почта самые незначительные, являются причиной брака. Для устранения некоторых из них потребовалось бы буквально два-три часа работы. Однако главный механик т. М. Рыжиков занят чем угодно, но

ТЕМА И ЕЕ РЕШЕНИЕ

В. ЗАЛЕССКИЙ

Когда на сцене советского театра возмущались лесом строек первой пятилетки и ее герои тогда завоевывали наши сердца, зрителям надоели подобию инженер Гай, которого вывел в пьесе «Мой друг» Н. Погодин. Умный, деятельный, талантливый хозяйственник-большевик, неутомимый и упорный в достижении намеченной цели, Григорий Гай был близок современникам своим горячим желанием опередить время, строить новую жизнь быстро и стремительно.

Но, стараясь выполнить правительственное задание и во-время пустить новый завод, Гай иногда прибегал к сомнительным хозяйственным манипуляциям, которые хотя и не преследовали целей личного обогащения, но и не имели ничего общего с советским стилем руководства, являлись своеобразными пережитками прошлого в сознании Гая.

Любовно выращивая, укрепляя кадры советских хозяйственников, партия веда беспощадную борьбу с пережитками старых, буржуазных взглядов. Она воспитала замечательные кадры деятелей народного хозяйства, культуры, науки, искусства. Революционный размах, левость, большевистская принципиальность, полнейший демократизм, скромность, честность — вот черты большевистского руководителя.

Утвердить на сцене, средствами искусства, типичный образ советского государственного деятеля, смело вступающего в борьбу со всем, что мешает нашему движению вперед, страстно разоблачать тех, кто утерял в какой-то мере драгоценные черты советского человека, — злободневная, почетная задача для драматургического произведения. Именно ее и хотели решить в своей пьесе «Государственный советник» молодые драматурги М. Сагалович и Б. Фаянс.

В образе директора крупного строительства «Баскад» Афанасия Петровича Кривохижина они хотели показать, как может пасть человек, который пренебрегает государственными интересами, поставил себя выше партийных, советских законов.

Афанасий Кривохижин, крупный строитель-хозяйственник, выстроивший не один завод-гигант, не одну электростанцию, превратился в человека не только отсталого, но и вредного, стал обузой, помехой в борьбе советских людей за коммунизм. Он строил много, быстро, в срок. Но как? Строил не советскими методами, нарушая государственную дисциплину, затрачивая непропорционально огромные средства, забывая о кровных интересах народа. Когда нехватало кирпичей, составлялись фиктивные акты, убытки списывались за счет стихийных бедствий...

Кривохижин не признавал над собой никакого контроля, не терпел критики; из советского хозяйственника он превратился в хозяйчика, носителя антигосударственных взглядов. В этом, как кажется, авторы не все додумали до конца.

Рисуя все эти отрицательные стороны Кривохижина, авторы хотели показать, что это не конченный человек, что за него стоит бороться. Но чтобы была успешной такая борьба, необходимо раскрыть, как Кривохижин стал таким, какой он есть. Если Кривохижин в течение многих лет мог злоупотреблять доверием партии, обманывая государство, не считаясь с общественным, партийным мнением, прибегая к нелицеприятным, дельцеским методам работы, — значит люди, стоящие рядом с ним, что-то просмотрели в его деятельности. Значит, дело не только в виде Кривохижина, а в в либеральном, бюрократическом подходе к нему местных работников, обязанных осуществлять большевистский контроль, бдительно охранять государственные интересы. Не они же банк стоит на страже интересов государства! К сожалению, эта тема в пьесе и спектакле не прозвучала.

Кривохижин в пьесе противопоставлен советским финансовым службам, коммунист Зорин, который, опираясь на партийную организацию, ведет с ним борьбу. В этой борьбе все симпатии авторов на стороне Зорина.

Зорина. Но получилось странное противоречие: чем большим количеством положительных качеств наделяют его драматурги, тем больше схематических и логматических черт приобретает образ.

Многие положительные черты Зорина раскрываются не столько в действиях, сколько «придаются» ему авторами по мере надобности. Надо показать одухотворенность Зорина — его заставляют говорить стихами; надо подчеркнуть образность — ему приписывают статьи в философском журнале; надо раскрыть доброту — его обязывают выступить в защиту... Кривохижина; надо показать самостоятельность его награждают несколькими профессиями. Образ Зорина, его отдельные черты и качества созданы «рифмическим» способом — способом вычитания недостатков и сложения достоинств. Он лишен жизненной правдивости, обаяния, непосредственности, юмора, индивидуальности, то-есть всего того, что делает художественный образ живым и полнобразным.

Еще М. Горький требовал, чтобы каждое действующее лицо в пьесе характеризовалось «и словом и делом самостоятельно, без подсказываний со стороны автора». Вот этой «самостоятельности» нет в образе Зорина. За его словами мы всегда ощущаем присутствие авторов. Когда не очень умный, легкомысленный Кривохижин, зная Зорина, неудачно строит по поводу планов правдивых и неправдивых, Зорин вдруг с апломбом говорит: «Да, я за правильность. Оригинального во мне, вероятно, очень мало. О таких людях ныне умники пренебрежительно говорят: «Правильные товарищи»... Ну, что ж! Я горжусь таким отцом». Я считал бы свою жизнь бесполезной, если бы не нашел правильных путей служения народу». Живой, реально существующий в жизни Зорин вряд ли стал бы излагать такие декларации. Ясно, что за Зорина здесь говорят авторы. Но такая «копейка» несколько не помогает раскрытию характера героя.

Таким образом, задуманная авторами острая, напряженная драматическая коллизия пьесы не получила необходимого художественного разрешения. И произошло это потому, что в характере Зорина нет жизненной правды, простоты, а значит, и убедительности.

Все действующие лица пьесы либо активно участвуют в борьбе Кривохижина и Зорина, либо отстранены и подчеркивают тем или иные стороны характеров главных героев. К примеру, Игорь Кривохижин, муж старшей дочери Кривохижина Варвары, присутствует в пьесе, главным образом, для того, чтобы показать, к чему приводит безответственность, дилетантизм, беззаботность в жизни. Зорин так и говорит Кривохижину: «Вы похожи на Кривохижина. Да, на Игоря, этого милейшего, но бездумного человека, этого дилетанта». Лишь те же цели существуют в пьесе образы Бурлаковского, Чупкова, Сидорчука. Это люди с мелкими чувствами и интересами, с зачатками души. Но их поступками в какой-то степени измеряется линия поведения самого Кривохижина, который из строителя социализма превратился в препятствие, мешающее нашему движению вперед.

Пьесу М. Сагаловича и Б. Фаянса «Государственный советник» поставил театр имени Езр. Вахтангова. Если роль Кривохижина поручена талантливому артисту С. Лукьянову, сумевшему создать интересный, хотя и противоречивый образ, то Зорин, который должен занимать в спектакле решающее место, не получил яркого художественного воплощения у артиста Н. Малышевского. Театр как-то не заметил, что в борьбе Зорина — Малышевского с Кривохижиным — Лукьяновым внут-

ренние симпатии зрителя почти до конца спектакля на стороне Кривохижина. В самом деле, как он показан С. Лукьяновым? Это человек смелый, целеустремленный, авторитетный. Его любит рабоче, обожают в семье, высоко ценят товарищи. У него и живой темперамент, и юмор, и страсть. Это широкая, волевая натура, полноклюющая своей прямой. А вот Зорин у Малышевского почти всегда выглядит напряженным, подобранным, нет ощущения значительности, масштабности героя. Это тусклый человек, не вызывающий никакого отклика в сердцах зрителей. Такое эмоциональное звучание образов рождает неверные акценты, которые затрудняют правильное понимание основной идеи спектакля. Театр мало следил за тем, чтобы образ Зорина наполнился дыханием жизни, завоевал душу зрителей.

В спектакле, поставленном Р. Симоновым и Н. Нахитовым, есть и несомненно интересные моменты. Хотелось сказать о В. Кольчове, с настоящим мастерством, остро и выразительно сыгравшем роль Бурлаковского. «Нужный» человек для Кривохижина, Бурлаковский — олицетворение безволия, дупного приспособленчества, которые приводят его к полному моральному падению. Бурлаковский у Кольцова — очень важный, очень обиходный человек, говорит тихо, спокойно, не повышая голоса. В минуту душевного расстройства, когда ему надо держать ответ за свои поступки, Бурлаковский — Кольцов кажется небрежным, рассеянным, он склонен философствовать о любви к тишине и уюту. Но в душе — это злой эгоист, способный на всякую подлость для спасения своей шкуры. В Кольцове нашли тонкие, выразительные средства для создания образа.

Матким юмором отличается исполнение А. Горюхиным роли Кашеварова. Особенно удачно ему спелась сцена с Кривохижиным, когда Кашеваров «вскипает», обнаружив в своем враге холодный расчет и эгоизм. Неудачника Кривохижина естественно, непринужденно играет Н. Гриценко. Наиболее убедителен он в объяснении с Зориным, когда узнает, что о нем думает его жена, его друзья — все те, с кем ему приходится сталкиваться в жизни. В этой сцене легко переиграть или не заметить его подлинного драматизма. Но Гриценко просто, психологически точно передает момент душевного прозрения Кривохижина. За внешней простотой Осес — Г. Пашковой чувствуется внутренняя борьба в душе подруги, впервые решающего трудные жизненные вопросы и мужественно пересматривающего свое отношение к отцу. Более спорна трактовка образа жены Зорина Наташи артисткой Л. Цепковской. В пьесе и спектакле Наташа без достаточного, как нам кажется, психологического оправдания порывает со своим мужем и вновь к нему устремляется.

Роль секретаря обкома Горохова слабо выписана авторами, и артист М. Держвин не смог найти для нее живых, колоритных черт. Не удалась роль Дарьи Найденовой, упорной, волевой советской работницы, Е. Алексеевой. Отсутствие убежденности, какал-то скованность в жестах и словах разрушают художественную цельность образа. Совершенно неудачны в спектакле образы секретаря партийных организаций — Данилова (Н. Бубнов) и Саватеева (А. Капиров). Сыграны эти роли сухо, безжизненно, схематично.

В «Государственном советнике» театр стремился поставить острую, волнующую жизненную проблему, утвердить новый тип героя и развенчать то, что мешает строить коммунистическое общество. Однако эта задача в пьесе и спектакле полностью не решена.

Театру им. Вахтангова следует продолжить работу над спектаклем, добиваясь прежде всего ясности и полноты образа в обрисовке центральных героев, того единства идейности и художественности, без которого не может правдиво прозвучать одна из важнейших тем современности.

Творческие планы советских писателей

С. МАКАШИН

В этом году я продолжал работу над второй частью своей монографии о Салтыкове-Щедрине. Содержание этой части охватывает важнейший период жизни и творчества великого сатирика: 60—80-е годы. К концу 1951 года я рассчитываю закончить первый из двух томов второй части (объем около 40 печатных листов).

Кроме того, в минувшем году я принимал участие в подготовке к печати очередных томов «Литературного наследства». Два из них, посвященные Белинскому, завершены (том 56-й только что вышел из печати, том 57-й выйдет в течение двух ближайших месяцев). В 1951 году буду продолжать работать над подготовкой к изданию трагедии Горького и Огарева, посвященной пензенским материалам личного архива Горького, который преподнесен в дар Советскому Союзу правительством Чехословацкой народной республики.

А. КАРАВАЕВА

В течение зимы я закончу новую повесть — «В гостях у брата», действие которой происходит в колхозах Северной Волги в 1949 году, и подготовлю в печать сборник статей и воспоминаний. Часть из них печаталась в периодическом прессе, но отдельной книгой они будут изданы впервые.

Осенью этого года я была в Сталинграде, в местах, где ныне развертывается строительство Сталинградской ГЭС. Мечтаю весной снова побывать там, ближе познакомиться с грандиозной сталинской стройкой и написать о ней.

Мих. ЛУКОНИН

Я очень боюсь отвечать на запрос «Литературной газеты», тем более, что мои ближайшие творческие планы выходят за пределы одного года.

В 1950 году самым главным событием, которое оказало большое влияние на мои творческие намерения, явилось постановление правительства, касающееся будущего моего родного края — Поволжья, Сталинграда. Я говорю о строительстве Сталинградской ГЭС. Случилось так, что это великое событие застало меня на пароходе «30 лет ВЛКСМ», который, отплыв от порта «Хмель» в Москве, проделал величественные плывы, выходя на простор Московского моря. В течение восьми дней я наблюдал проплывающие мимо берега Волги, представляя будущее этой земли. С особым чувством я выходил на пристани Бывших хуторов — в ста двадцати километрах от Сталинграда. Каждого человека волнует свидание с землей, где жила его детство, где каждый камешек напоминает о первом памятном товарище или о первом школьном уроке, о первом сознании любви к Родине. Меня волновало еще и другое: я знал хорошо тяготы моих односельчан, воздыхавших сухую безводную зыбкую степь, хорошо знал несчастья людей, заматающих арбузные плети и подсекавшие вехи.

Здесь вот, у самых Бывших хуторов, где-то рядом, будут биться в берега волны Сталинградского моря, вот здесь, по этим песчаным степям, живительной магистралью пройдет оросительный канал, который обновит эту землю.

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО СМ. № 127 «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ОТ 31 ДЕКАБРЯ 1950 ГОДА.

Потом я проежал мую Спартановку в Рынках, где пройдет планета. Затем я был в Бутово, который отправлял уже машины для Сталинградской ГЭС. Все это видное и переживаемое входило в сердце, волновало и приковывало к себе. Об этом я и думаю сейчас, этим и занят.

Ания БАРТО

Я пишу книжку о детях подмосковного подхоза. Впервые пишу не о городских школьниках, а о детях советской деревни. Это будет небольшая поэма.

В предстоящем году надеюсь написать книжку для самых маленьких. Достижения политической культуры детей дошкольного возраста — задача трудная. Но я ставлю ее перед собой и постараюсь решить.

Герои пьесы, над которой я сейчас работаю, — девочки, школьницы старших классов, молодежь того возраста, когда формируется характер, складываются представления о дружбе, искренности, взаимном доверии. В пьесе должны быть раскрыты черты новой советской морали и нетерпимость юности к пережиткам мещанства. Эта пьеса, которую я пишу вместе с Ириной Шаровой, вероятно, будет называться «Новогодняя ночь».

Б. МЕЙЛАХ

Год 1950-й был ознаменован для всей советской науки крупнейшим событием — опубликованием гениальных работ товарища И. В. Сталина о марксизме в языковедении. Каждый из нас — работников литературоведения и критики — получил в новых сталинских работах замечательную теоретическую основу для освещения самых сложных проблем.

В 1950 году я работал над подготовкой к печати монографии о Пушкине и его времени, которая является итогом моих многолетних исследований. «Гроза двенадцатого года» и декабристское движение, затем мужественное сопротивление лучших людей России николаевской реакции, взбуждавшее море стихийных крестьянских повстанцев — таков фон, на котором я старался обрисовать великую историческую роль Пушкина — поэта, мыслителя, борца. Сталинская характеристика развития общенародного языка, его указания о языке Пушкина оказали мне огромную помощь при изучении роли великого поэта в истории передовой русской литературы.

В 1950 году я продолжал также изучение поэтического творчества первых русских революционеров-декабристов. Итоги его отражены в антологии «Поэзия декабристов», вышедшей в издательстве «Советский писатель».

В январе 1951 года начнется работа над новым трехтомным коллективным трудом — «Пушкинский энциклопедией», одним из участников которой являюсь и я. Впервые в истории мировой науки будет создаваться энциклопедия, посвященная одному писателю. Этот труд должен дать советскому народу полный свод сведений о жизни и произведениях Пушкина, о его роли в освободительном движении и в развитии русской и мировой культуры, его значения для культуры социалистической.

В будущем году одной из моих основных тем будет также изучение художественной формы и эстетических идеалов социалистической эпохи. Советская литература, проникнутая великими сталинскими

идеями, продолжающая лучшие традиции прошлого и обозначающая новый этап в художественном развитии человечества, является замечательным материалом для разрешения этих проблем. Статьи на эти темы я собираюсь опубликовать в 1951 году.

А. РЫБАКОВ

В 1950 году я работал над романом «Волгетель», готовя его к отдельному изданию. Я стараюсь учесть те критические замечания, которые были высказаны в адрес романа и в печати и в письмах читателей.

Одновременно я собирал материалы для своей новой книги. Книга эта будет посвящена жизни советских работников. В ней я хочу поставить ряд морально-этических вопросов, так интересующих нашу молодежь. Главная героиня книги — швейница. Поэтому мне пришлось много времени провести на швейной фабрике, чтобы как следует изучить характер труда своих будущих героев.

Надеюсь, что в 1951 году мне удастся закончить этот роман. Кроме того, я думаю написать продолжение повести «Кортис» и собираю для этого различного рода исторические материалы, так как действие повести относится к 1923—1924 годам.

С. МАРШАК

В 1950 году как и прежде, работал в разных областях литературы. Пополнил новыми стихами недавно выпущенную «Лесную книгу». Отдал в печать «Школу на камнях» — стихи о детях, которые учатся в школе-вагоне, и «Сюжет в снегу» — о замке пионерского костра. Едуе борьбы за мир посвятил цикл стихов «На страже мира».

Писал статьи о поэтическом мастерстве. В газете и журналах печатал сатирические стихи и эпиграммы.

Работал и над лирическими стихами. Переводил шотландского народного поэта Бернса, Байрона, Гейне и наших соотечественников — поэтов советских республик.

В этом году рассчитываю закончить большую книгу для маленьких «Веселое путешествие» и написать книжку для тех читателей, которых правдивее называть «слушателями», то-есть для самых маленьких. Надеюсь продолжить работу над лирическими стихами и переводами.

С. МИХАЛКОВ

В прошедшем году я закончил пьесу «Потерянный дом». Эта пьеса посвящена вопросам советской семьи и брака, воспитанию детей и морали советского человека. В начале 1951 года Художественный театр покажет премьеру этого спектакля, который уже идет в ряде городов нашей страны.

Я начал писать пьесу о сторонниках мира. Действие пьесы происходит в простой рабочей семье в одном из городов Англии. Пьеса рассчитана и на взрослого и на юного зрителя. Главная героиня — 15-летняя английская школьница, борющаяся под знаменем Возвращения.

В новом году я закончу две веселые книжки стихов для детей младшего возраста и пьесу для самых маленьких.

ВТОРОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Почти четыре года прошло после первого Всесоюзного совещания. Председатель комиссии по работе с молодыми писателями ССП В. Ажаев в беседе с нашими сотрудниками рассказал:

— На совещании, созываемом во второй половине января Союзом советских писателей СССР и Центральным комитетом комсомола, встретится около 300 молодых авторов, — вдвое больше, чем на первом совещании.

Большинство молодых литераторов — авторы произведений, напечатанных за последние 2—3 года в литературно-художественных журналах, или изданных от-

дельными книгами; многие из этих произведений уже завоевали некоторую известность. Это — роман Л. Кабо «За Днестром», повести Ю. Трифонова «Светлыки», Г. Сендильяна «У нас в Астаре», Н. Евдокимова «Высокая должность», В. Орехова «Я твой, Родина», пьесы Л. Карагезяна и Г. Тер-Григоряна «Эти звезды наши», А. Салыковского «Дорога первых», Д. Деяткина «В Лебедянем», стихи В. Федорова, И. Фролова, М. Сазонова, М. Гайрбековой и другие.

Совещание откроется докладом генерального секретаря Союза писателей

А. Фадеева «Современная советская литература и вопросы художественного мастерства». А. Сурков посетит свой доклад молодой советской поэзии последних лет, Н. Погодин — вопросам современной драматургии и творчеству молодых драматургов, А. Корнейчук — молодым писателям Украины.

После докладов и прений начнутся занятия в семинарах по прозе, поэзии, драматургии и критике. Затем состоятся объединенные заседания жанровых секций, где крупнейшие мастера советской литературы расскажут молодым писателям о своем творческом опыте.

Г. ЛЕНОБЛЬ «Остров Буян»

Исторический роман Степана Злобина «Остров Буян» не принадлежит к числу книжных новинок. Он вышел уже двумя изданиями — в 1948 и 1949 г. Однако критика до сих пор не отозвалась на него ни единой строкой. Между тем «Остров Буян» — один из лучших советских исторических романов, имеющих принципиальное значение для развития нашей художественно-исторической литературы.

В этом жанре у нас есть большие достижения. Но наряду с ними до недавнего времени имели место и серьезные ошибки и провалы, подобные тем, которые были вскрыты в решениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. В ряде книг на исторические темы идеализировалась жизнь царей, ханов, великих в идиальном свете рисовались классовые отношения в дореволюционной России, затуманивалась историческая и классовая ограниченность деятелей прошлого. Все это вело, в конечном счете, к принижению роли масс в историческом процессе, к недооценке народа, как творца истории.

Сейчас в художественно-исторической литературе такие ошибки встречаются значительно реже, хотя до конца они еще не преодолены. Народ, трудящиеся массы все с большей силой выдвигаются у наших писателей, как основа художественного повествования о прошлом. Этим объясняется успех «Переславской рабы» Н. Рыбака. Это же, в первую очередь, следует отметить, говоря о романе Ст. Злобина.

В «Острове Буяне» центральное место занимает знаменитое псковское восстание 1650 года, самое длительное и крупное из всех городских восстаний, что потрясли Московское государство в бурное правление «тишайшего» Алексея Михайловича. Показ истоков восстания, его природы, его неизбежности — вот на чем

прежде всего сосредоточено внимание писателя. Для этого он из Пскова, где главным образом протекает действие романа, переносит нас и в глухие лесные деревушки, и в шумный великий Новгород, и в Москву, в бойкие хоромы, в парский дворец.

Широкий охват исторической действительности позволяет автору правдиво отобразить основные противоречия эпохи и на них строить сюжетные столкновения и конфликты романа. На всем протяжении романа героям его из числа «меньших» людей приходится то и дело бороться с сильными и богатыми всевозможными обиды и унижения.

Но Ст. Злобин рисует не только забытые и приравненные народных низов. Непосредственно духовные силы народа, не угасает в нем мечта о чудном острове Буяне, где живут волевые люди, «никаким дворянам-князьям не поддающиеся».

Движение романа в том и состоит, что рисуемая им напряженная социальная отношений, столь характерная для времени Алексея Михайловича, неминуемо должна привести и приводит в вспыхиваю, к возмущениям и восстаниям как городской бедноты, посадского люда, так и крестьянства.

Две стороны подчеркнуты писателем в развертываемой им широкой картине псковского восстания: глубокие социальные корни, которые оно имеет, и вместе с тем стихийный его характер.

В достоинствах «Острова Буяна» надо отметить то, что в нем нет и намека на позитивную стихийности (в чем в большей или меньшей мере повинны многие наши исторические романы), в частности А. Чапыгина; стихийность восстания правильно трактуется Ст. Злобиным как историческая обусловленность слабости народных движений, описываемого им времени.

Чрезвычайно живо, естественно передано в романе, как пожар поэта постепенно охватывает Псков. Сперва кажется, что люди заняты лишь своими частными делами, своими личными обидами; по первым главам книги трудно представить себе, чтобы герои ее объединились для общего действия, общей борьбы. Но потом внезапно оказывается, что силой обстоятельств герои романа вовлекаются в общую борьбу, участие в которой становится для них неизбежностью. Частные люди, выражая современным языком, превращаются (не стремясь вовсе к этому) в общественных деятелей.

Писатель показывает, что с первого же дня в восстании принимают участие и дворяне, но участвуют они в нем только для того, чтобы сдержать размах движения и затем подавить его.

Трудно приходится восставшему городу — и современному читателю совершенно ясно причины этого: отсутствие организации; непонимание истинного смысла того, что происходит; стихийный характер восстания. Все это рельефно выявлено писателем. Но вместе с тем им превосходно показано, какой грозной силой является разбушевавшаяся народная стихия. Мы видим, как постепенно хозяевам положения в городе становятся «середины» и «молодины» люди, ремесленники, посадская беднота. Мы видим далее, какой отклик псковское восстание получает по всей стране: встают Новгород, Остров и другие города; учащаются крестьянские бунты; в Москве — в смятении борющиеся за власть боярские «партии».

Есть произведения, в которых люди из народа составляют лишь безличный «фон» и в которых авторское внимание обращено главным образом на героев из высших классов общества. В «Острове Буяне» люди из народа являются героями в полном смысле слова, — и какие интересные образы, какие мощные характеры вырисовываются перед нами! Особенно интересны в романе главарь, «заводилы» восстания — Томилка Слепой и Гаврилка Демидов, реально существовавшие исторические личности.

Отставной старшина помещадных поддочих Томилка Слепой — примечательнейшая историческая фигура. Проф. М. Н. Тихомиров, автор монографии «Псковское восстание 1650 года» (М. 1935 г.), справедливо говорит, что если сложная цельбная действительно написана Томилой, то он человек с крупным литературным талантом.

Ст. Злобин рисует Томилку Слепому своеобразным публицистом — утонченным, страстным, непоколебимым искателем правды.

Томилка пишет, по Злобину, тайком от всех «Летопись правды искренней». Организически вразлечен в художественную ткань романа отрывки из этой «Летописи» — большое достижение автора; так убедительно смог он слить воедино и особенности политического мышления эпохи, и народные чаяния, и гнев, своеобразно преломляющиеся в писаниях известного правдолюбца. С мечтаниями о «праведном Белом царстве», где «у того царя Правдолюбца наместо боярской — земская дума», сочетаются исполненные ярости нападки на бояр-лихоимцев и богатых торговых гостей.

Томилка, естественно, выдвигается в число вожаков восстания. Дворянам и большим посадским приходится нелегко присоединиться к «середины» и «молодины» людям по мере развертывания восстания, и вот Томилка, перед которым встают практические политические вопросы, начинает охранять «единство», наступившее в восставшем городе, в этом выял залог успеха. Ради привающего единства с зажиточными и привилегированными слоями горожан он идет на серьезные уступки им, ущемляя, вопреки собственным взглядам, интересы холопов, монастырских трудников и прочих «малых» людей.

Иной позиция держит хлобник Гаврилка Демидов, образ которого едва ли не самая большая удача автора. Ему чужды примирительные тенденции Томилы, он действует решительно и беспощадно. Когда предательство дворян становится явным, десятилетия из них публично отрубают головы. «Ты Белый город пса?» — говорит

он Томиле Слепому. — Ан в Белый-то город дороги красны от крови! И в конце концов в его правоте убеждаются и Томилка и другие.

У Гаврилы несомненные способности народного вождя, задатки государственного деятеля; ему прежде всего обязан Псков тем, что целых полгода он находился в руках восставших.

«Остров Буян» посвящен событиям трехсотлетней давности. Однако произведение это и интересно, и поучительно для нашего читателя. Оно показывает образца, как вырабатывается русский национальный характер, как подготавливались революционные традиции великого русского народа, сколько тайнось в народных массах потенциальных сил, настойчиво искавших себе выхода.

«Остров Буян» отличает не только превосходное знание материала. В нем чувствуется и свобода художника в обращении с этим материалом, свобода, рождающаяся только тогда, когда художнику ясен облик его героев, ясны и понятны их стремления, чувства, помыслы. Герои Злобина — не просто представители тех или иных классов или групп; это люди с резко очерченным характером, со своей индивидуальностью и своей судьбой. Нет у Злобина и той приторной почтительности (чтобы не сказать полюбострастия) по отношению к деятелям прошлого, которая превращает порой исторические романы в апологию этих деятелей; он о своих героях судит, как советский человек. Видит ли читатель, не знакомый с историей вопроса, сумеет различить лиц, реально существовавших и вымышленных писателем, — реальность и вымысел органически сливаются у него вместе. Мало интересен, лишен своеобразия лишь образ Романа; вообще почему-то в исторических романах ведущими-красавицами, которых любят герои этих произведений, изображаются нередко бледнорозыми красками.

Перед автором «Острова Буяна» стояли сложные композиционные задачи: совсем нелегко так рассказать о перипетиях борьбы в восставшем городе, о запутанных

социально-экономических отношениях, чтобы все было ясно и интересно, чтобы необходимость разъяснить позиции различных групп не влияла отрицательно на темп и энергию повествования. В издании 1948 года эта задача не была до конца разрешена; как раз в наиболее ответственных главах романа, описывавших осаду Пскова и внутреннюю борьбу в лагере восстания, чувствовалась растянность. В издании 1949 года автором внесен ряд изменений, которые существенно улучшили роман; сейчас в нем длинноты уже не ощущаются.

Осталось в романе, однако, недостатки другого порядка. Ст. Злобин не ограничивается хроникальным изложением событий, он создает сюжетно-организованное произведение — и это, несомненно, достоинство книги. Но иногда стремление к сюжетной законности обрываете в ее сюжетном «объединении» материала, не оправдываемым идейно-художественной сущностью романа. Неправдоподобно, например, приключения Иванца в последней главе, где он ловит псковского «изменщика» Ульяна Фадеева и где, словно в приключенческом кинофильме, несколько раз то один, то другой берет верх. Здесь сюжетная игра со спасением Иванца от верной смерти вступает в противоречие с основными идейно-творческими установками романа.

Показательно, что возникают эти недостатки как раз в тех местах, где писатель начинает казаться, будто изображение народной жизни само по себе недостаточно интересно, недостаточно занимательно. Это, разумеется, неверно — и «Остров Буян» Степана Злобина потому именно является значительным произведением нашей художественно-исторической литературы, что в историческом прошлом оно выделяет самое важное, самое главное, то, что лежит в основе исторического процесса, — жизнь и борьбу народных масс.

Обзор военных действий в Корее

Народная армия Корейской народной-демократической республики и китайские добровольцы ознаменовали наступление нового 1951 года сильными ударами по войскам интервентов. Народная армия ве-

дет наступательные бои на всех участках фронта. Главный удар, как сообщает корреспондент агентства Рейтер, наносится в секторе Иончхон—Иичжонбу. Форсированно реку Ичжинган (Рисин-ко) в низнем ее течении, части Народной армии в ряде мест глубоко вклинились в оборону противника, вынудив его к отступлению.

Бойска интервентов пытались всеми силами удержать за прежних рубежах. Генерал Макартур бросил на поддержку своих войск большое количество авиации, но тем не менее фронт рухнул. Отряды Народной армии и китайских добровольцев перерезали коммуникации противника. Фланги американской 8-й армии оказались обнаженными, отдельные части интервентов попали в окружение. Как отмечает лондонское радио, в числе окруженных — австралийский батальон 27-й британской бригады.

Наступление войск Народной армии южнее 38-й параллели продолжается.

Войска интервентов уничтожают на пути отступления все населенные пункты и вырубают леса. Корреспондент агентства Рейтер писал, что отступающие солдаты американских войск сжигают все дома, взрывают оставшиеся после пожаров стены строений, ломают даже заборы, могущие служить прикрытием. Все местное население захваченки уноят в тыл, расстреливая на месте сопротивляющихся.

Однако эта замаскированная в гитлеровцев «тактика выжженной земли» мало помогает американским оккупантам. Линия фронта передвигается все ближе к Сеулу. Бои завязались уже за город Иичжонбу, расположенный в 19 километрах к северу от Сеула. Сеульский корреспондент радиовещательной компании «Колумбия» Харман передает 2 января: «В городе ясно слышна артиллерийская канонада».

В битве за Сеул активное участие принимают партизаны. Партизанские отряды совершают налеты на вражеские коммуникации в окрестностях Сеула. В результате одного из таких налетов разбит лисьянмановская часть, потерявшая свыше 400 солдат и офицеров. Партизанам захвачены большие трофеи.

Грома орды интервентов, войска Народной армии освобождают территорию своей родины, наносят противнику большой урон. Командующий Народной армией Ким Ир Сен в своем новогоднем обращении к народу призвал корейских патриотов продолжать все усилия, чтобы добиться окончательной победы в освободительной войне.

Сеульская трагедия

Эти страшные фотографии, проникшие за пределы Кореи сквозь «железные занавес» Макартура, были опубликованы лондонской газетой «Дейли уоркер». Они рассказывают о трагедии Сеула, о кровавой оргии террора, разыгравшейся после того, как город, освобожденный корейской Народной армией, вновь временно попал под власть американских агрессоров и предателей-лисьянмановцев.

Ужасная картина расстрела двадцати пяти узников сеульской тюрьмы Уэст Гейт, зафиксированная на этих фото, — лишь один из множества подобных эпизодов. Многие тысячи ни в чем не повинных жителей Сеула замучены, расстреляны, истреблены лисьянмановцами и их хозяевами — американцами.

Каждый день приносит новые и новые вести о чудовищных расправах интервентов над попавшими в их руки корейскими патриотами, над мирным беззащитным населением этой многонаселенной страны.

Газета «Дейли уоркер» напечатала также рассказ следователя эти снимки американского фотокорреспондента И. Р. Лорюна, служащего нью-йоркского фотоагентства «Пик инкорпорейтед».

Американский фоторепортер был далек, разумеется, от обличительных мыслей, он не ставил своей задачей показать миру зверства, творимые Макартуром под сенью флага ООН. Нет, он лишь делал свой бизнес и только бизнес. Он искал «сенсацию» для заокеанской публики и, как ему показалось, нашел ее. И не вина репортера, что сделанные им фото помимо его воли превратились в суровые обвинительные документы.

Эти корейцы — жители Сеула, среди них две женщины, были арестованы лисьянмановцами и приговорены к смерти. Все их «преступление» состоит в том, что они относились с симпатией к корейской Народной армии. Вот они, связанные, брошены у стены тюрьмы, через несколько минут их увезут на казнь.

Место казни находится в восьми милях от Сеула. Связанных парам заключенных убили хладнокровно выстрелом на склоне горы. Затем следует команда: «Огонь!»

Не всем жертвам пуля попадает прямо в сердце... После расстрела лисьянмановский офицер добывает тех, кто еще не мертв.

Кто они, эти корейцы, убитые с такой жестокостью? Все это — простые люди: рабочие, крестьяне, учителя...

Американские агрессоры и лисьянмановцы с нечеловеческой яростью истребляют народ, который они не в силах покорить. Но преступным замыслом Трумэна — Макартура не суждено сбыться, несмотря на все их злодеяния на корейской земле. Народ Кореи полон решимости изгнать захватчиков!

«Рекламная воровка» в Париже

В одной из своих статей А. М. Горький, говоря об уроках буржуазной действительности, рассказывает об «оригинальном» способе рекламы, примененном в Берлине. В одном из магазинов имеется особая должность — воровы. «Ее обязанности», — пишет Горький, — полагается в краже, причем заранее ей дается указание, что именно она должна в данный день украсть... Естественно собирается толпа... Что и требуется владельцам магазина для сбыта своих залежалых товаров.

Рассказ Горького «о рекламной воровке» недавно приполз на ум, когда знакомыми с прошедшим сейчас в Париже процессом гнусной фальсификации, злобного трюкаста Давида Руссе, возбудившего дело против прогрессивного литератора Пьера Дакса. Аналогия между рассказом и историей возникновения этого процесса почти что полная. Разница состоит только в том, что «воровка» — Давид Руссе исполняет свою должность при «Торговом доме Уолл-стрит и К°» и помогает сбывать американским поджигателям войны весьма негодный товар — антисоветскую пропаганду.

По приказанию своих хозяев, эта парижская «рекламная воровка» опубликовала в ноябре 1949 года в маршализованной французской газете «Фигаро литерар» статью, в которой, грубо клеветая на Советский Союз, делала ссылки на «советский уголовный кодекс», фальсифицируя его самым беззастенчивым образом. Эта фальсификация была разоблачена на страницах французской прогрессивной газеты «Леттр франсез» молодым писателем Пьером Даксом, уличившим Давида Руссе путем простого сопоставления текстов в наглай жи.

Факты, приведенные Пьером Даксом, были столь неопровержимы, что, казалось бы, уличенному клеветнику следовало или признаться в фальсификации или, на худой конец, попятиться отделиться «фигурой умолчания». Однако «долг службы» пренебрежимо ему совсем иное поведение. Пойманный с поличным, «оскорбленный вор» подал в суд, обвиняя газету «Леттр франсез»... в клевете. Давид Руссе отнюдь не усвоил уроки своего сбоя по клеветническим делам, одного из личных советников Трумэна — Джеймса Бернхэма, учащего провозгласившего больших и малых масштабах: «Не будем притворяться святошами и скажем прямо, что хорошо продуманный обман является иногда необходимым».

Правда, судьям достаточно было прочитать статью Пьера Дакса, чтобы отвергнуть все претензии фальсификатора. Но матерый клеветник был зарисован в том, что его дело будет разбираться по законам маршализованного правосудия. Он знал, что клеветы и мести, выходящая директива г. Трумэна, замысливают способы разжигания антисоветской истерии. Он знал, что приказ Вашингтона французским дакам гласил: «Придать делу самую широкую огласку. Поднять на ноги все реакционную прессу. Превратить суд в открытую трибуну пропаганды новой войны. Растянуть процесс на возможно более долгий срок. Шуметь! Шуметь! Шуметь!» И шум начался. Задом до открытия процесса американизированная пресса Франции на все лады принялась повторять гнусные измышления Давида Руссе. Эта истерия приняла особенно разнузданный характер в дни, непосредственно предшествовавшие началу слушания дела.

Ее истинные прощаны правильно раскрыл прогрессивный французский писатель Андре Стиль. Он писал, что процесс «должен послужить прологом, своего рода трамплином для одного из крупнейших идеологических мероприятий гнусной пропаганды новой войны. Цель этого процесса ясна. Речь идет о том, чтобы посредством публикации на страницах всей реакционной прессы бесчисленного количества антисоветских статей посеять колебания в нашем народе, сорвать его сопротивление американским поджигателям войны и их lackям, которые управляют Францией. И, в первую очередь, задача организаторов процесса состоит в том, чтобы, угрожающе преступников, на которых возлагают особые задачи в подготовке к новой войне. «Военных преступников надо вешать не после войны, а перед войной», — говорит по этому поводу Вильгельм Пик, приводя высказывание одной немецкой газеты.

Путь Германской демократической республики отмечен большими успехами в восстановлении народного хозяйства, в укреплении антифашистского, демократического порядка. «Время успехов началось», — говорил недавно Вильгельм Пик. — Успешная демократизация, новая роль, которую играет рабочий класс в нашей республике, его прочное сотрудничество со всеми демократическими и прогрессивными силами, успехи строительства, — все это неотделимо от нового положения, которое заняла в мире Германская демократическая республика».

Пик указывал, что одной из причин, вызвавших нерушимую дружбу с Советским Союзом, Вильгельм Пик часто повторяет известные слова товарища Сталина: «Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциалами в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа примут решение бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным».

Руководители новой Германии во главе с Пиком ведут неутомимую борьбу за создание единого демократического миролюбивого государства.

В Западной Германии американские империалисты выпускают на свободу военных преступников, на которых возлагают особые задачи в подготовке к новой войне. «Военных преступников надо вешать не после войны, а перед войной», — говорит по этому поводу Вильгельм Пик, приводя высказывание одной немецкой газеты.

Путь Германской демократической республики отмечен большими успехами в восстановлении народного хозяйства, в укреплении антифашистского, демократического порядка. «Время успехов началось», — говорил недавно Вильгельм Пик. — Успешная демократизация, новая роль, которую играет рабочий класс в нашей республике, его прочное сотрудничество со всеми демократическими и прогрессивными силами, успехи строительства, — все это неотделимо от нового положения, которое заняла в мире Германская демократическая республика».

Другими словами: «рекламная воровка» Давид Руссе поступил на службу в г. Трумэну, чтобы «эффективно» трюком помочь разжиганию военной истерии во Франции. Своими клеветническими писаниями Руссе тышил привлечь внимание народных масс от позорной политики французского правительства, углубило исполнению все агрессивные планы Вашингтона, направленные к подготовке новой войны. Реакционные газеты «Фигаро», «Орор», «Полюдер» и им подобные надвигались до хрипоты, стараясь разразиться этот процесс, инспирированный поджигателями войны. А французское министерство юстиции спешно готовилось не ударить в грязь лицом перед американскими коллегами — судьями-мешками. Однако характер этих приготовлений, выявившийся в первый же день суда, сразу выдал с головой организаторов и вдохновителей процесса.

Что же произошло?

Под давлением адвокатов Пьера Дакса и Клода Моргана (директора газеты «Леттр франсез») прокурор вынужден был на первом же заседании признать, что выбор для слушания дела самого большого зала в помещении парижского «Дворца правосудия» был произведен «после многочисленных просьб со стороны иностранных посольств». Может ли быть более красноречивое признание откровенно пропагандистского антисоветского характера процесса и открытого участия американских поджигателей войны в его организации?

Впрочем, обогащенный клеветник и сам не скрывает того, по чьей указке он действует и кому он служит. Незадолго до начала слушания дела на приеме, устроенном представителями англо-американской прессы в Париже, Давид Руссе счел необходимым еще раз клятвенно засвидетельствовать свою ненависть к лагерю мира и демократии и ласковую верность американским поджигателям войны... Наглай и откровеннейшим цинизм заявлений, сделанных Давидом Руссе американским гангстерам пера, не удивил тех, кто знаком с повадками этого политического авантюриста.

Еще в самом начале предпринятой им антисоветской кампании он был с позором изгнан из французской Национальной федерации высланных и интернированных участников движения Сопротивления, в которую ему удалось ранее втереться. «Мы считаем, что возобновление пропаганды Геббельса против страны, — говорилось в постановлении, — без германца, который ни один из высланных не вернется в лагерь смерти, недостойно звания члена нашей Федерации».

Отважаясь отчета в том, что во Франции его кампания обречена на позорный провал, матерый клеветник решил попытаться счастья в Бельгии. Он направился в Брюссель. Но и здесь гаслястер-провозгласившего горькое разочарование. Он выступил в брюссельском Дворце изящных искусств и был жестоко охвачен. В зале, где происходило выступление, присутствовали рабочие — бывшие военнослужащие и политзаключенные. Еще до того, как «оратор» появился на трибуне, раздавались возгласы: «Давид Руссе, уберите вон из Бельгии! Да здравствует Сталинград! Вы не осмелились выступать в Париже! Предатели!»

Полития поспешила на помощь фальсификатору. Более ста рабочих было арестовано. Многие насилием вывели из зала. «Оратор» начал свое выступление в почти пустой аудитории. Ряд буржуазных газет, накануне широко рекламировавших гаслястер Руссе, вынужден был на следующий день сообщить о его провале.

Не осмеливаясь далее продолжать свое турне по маршализованным странам, Давид Руссе решил направиться в США. Французская прогрессивная пресса напоминает в связи с этим о том, что «кампания» Давида Руссе приняла особенно бурный характер именно после этой специальной поездки.

Что там делал этот проходимец, с кем встречался, от кого получал инструкции — в точности неизвестно. Поездка была строго законспирированной. Следующим «справкам» дакейской этики, прохвост Давид Руссе стыдливо умалчивает о том, сколько ему платят и какие дают предписания. Однако после возвращения из США Руссе, выобранный «долларовой антифашист», разорвал лихорадочную «деятельность». И в том, как пошло дело дальше, нетрудно разглядеть руку туговатого американского режиссера, уже однажды оскандалившегося с постановкой процесса предателя Крзаченко, но ничему не научившегося на этом скандале.

Разбирающие дело Давида Руссе дакей в судебных манящих не сочли нужным сохранить даже видимость законности. Они грубо попирали существующие во Франции законы, пожив в этом отношении все порядки раболовного пресмыкательства перед американскими колонизаторами Франции.

На первом же заседании адвокаты Пьера Дакса и Клода Моргана в своих выступлениях со всей неопровержимостью доказали несостоятельность и незаконность затеянной в Париже очередной юридической авантюры американских поджигателей войны. Судьям-марионеткам нечего было возражать на справедливое обвинение в том, что они превращают французский суд в открытую трибуну для провозгласивших и политических проходимцев, пытающихся внести замешательство в ряды сторонников мира во Франции и получающих за свою «работу» вознаграждение в американских долларах.

Судейская машина принялась за выполнение своей задачи: во что бы то ни стало обеспечить выступление «свидетелей» поиманного с поличным фальсификатора, «свидетелей», чья многослая ложь и клевета могли бы «подкрепить» ложь и клевету Давида Руссе. Судьи, обрывавшие на каждом слове выступления Пьера Дакса, Клода Моргана и их адвокатов, почтительно выжидали клеветническому бреду профессиональных провозгласивших, «специалистов по русскому вопросу», прибывших во «Дворец правосудия» большей частью из американской оккупационной зоны Германии.

Однако, как бы ни упражнялись в красноречии платные агенты Уолл-стрит, ни не удалось ввести в заблуждение общественное мнение Франции.

«Давид Руссе», — пишет газета «Юманите», — дает скучные сборы. Несмотря на то, что «крунейший процесс года» был тщательно подготовлен и начался в положенный ему час, в тот час, когда обезумевшие поджигатели войны говорят о необходимости бросить атомные бомбы на Китай и СССР, трое все же не удалось... Пьер Дакс и Клод Морган являются обвинителями на этом процессе. На сканве подсудимых — Давид Руссе, фальсификатор и поджигатель войны».

Реакционная французская пресса трубит о том, что процесс Давида Руссе продлится еще несколько месяцев. Однако ничто не изменит того положения, что фальсификатор этот процесс уже закончил. Клеветник пойман с поличным. Он не смог опровергнуть факты, уличившие его в клевете. Пространные выступления его «свидетелей», всякого рода политическим проходимцев и лиц с темным прошлым, показывают только одно: какую зверскую злобу и ненависть к лагерю мира и демократии питают поджигатели новой войны.

Таким образом, возлагаемые трумэнскими и ачесонскими надеждами на трюк с «рекламной воровкой» позорно провалились. «Второе издание процесса Крзаченко», подобно первому, не принесло своим организаторам ничего, кроме нового позора и саморазоблачения. Мир увидел, до какой глубины подлости и гнусности докатились племени и мочи.

На сканве подсудимых в 17-й палате парижского «Дворца правосудия» за спиной авантюриста Руссе мы видим правителей современной Франции и их американских хозяев. Устами защитников «Леттр франсез» их обвиняет в гнусной клевете миролюбивая и дружественная Советскому Союзу Франция Луи Арагона и Раймонды Дьен. Грозно звучит это обвинение. Его не заглушить комариным писком лжецов и фальсификаторов. Его не заглушить и совместным хором судей, «рекламных воров» и лжеисследователей, как бы истерически ни размахивали над их головами своей дирижерской палочкой американские поджигатели войны.

Испытывает ли невольное изумление перед тем подлостью, на которые идут защитники прогнившего общественного строя, — пишет депутат французского парламента Фернан Гренье об американизированной французской печати, раздувающей процесс... Но подлинный гонимый наш народ не так, он громко звучит на собраниях и демонстрациях, посвященных месячнику Франко-советской дружбы, он свидетельствует о братской солидарности миллионов честных француз со славным и непоколебимым Советским Союзом».

Испытывая новый антисоветский процесс, нынешние правители Франции показали еще раз, что они всего лишь приказники в торговом доме Уолл-стрит. Их «рекламная воровка» — Давид Руссе визжит, надрыдается, тужится привлечь к себе внимание, чтобы поправить дела прогорающей фирмы. Честные люди Франции клеймят позором базарную антисоветскую толкучку, устроенную во «Дворце правосудия» в Париже.

Александр Георгиевич МИТРОФАНОВ

После тяжелой болезни на 52-м году жизни скончался советский писатель, член ВКП(б) — Александр Георгиевич Митрофанов.

Всю свою юность Александр Митрофанов был связан с рабочей средой. В советскую литературу он вошел широко известными читателью повестями и романами о рабочем классе: «Июнь — июль», «Северянка», «Ирина Годунова» и др. Александр Георгиевич был вдумчивым и всесторонним редактором многих произведений советских писателей. Особенно большую творческую помощь он оказывал молодым авторам. В годы Великой Отечественной войны А. Г. Митрофанов был в рядах народного ополчения.

Александр Георгиевич был награжден орденом «Знак Почета» за успехи в области художественной литературы, а также медалями «За доблестный труд» и «За оборону Москвы».

В лице товарища Митрофанова мы потеряли талантливого писателя, верного сына партии большевиков.

А. Федеев, К. Симонов, Н. Тихонов, Л. Леонов, Б. Горбатов, Ф. Панферов, К. Федин, И. Богданов, В. Бахметьев, В. Ерилов, Ю. Иблинский, И. Атаров, Е. Дорощ, В. Герасимов, Л. Аргутинский, Л. Ошанин, С. Смирнов, М. Эгарт, В. Ковалевский, П. Чагин, Н. Москвин.

ПОПРАВКА

В статье академика Г. Александрова «В середине двадцатого века» («Литературная газета» № 126 от 28/ХII 1950 г.) допущена опечатка. Начало второго абзаца 3-го раздела следует читать: «Уже перед второй мировой войной в США существовало 700 различных фашистских организаций, ведавших «работу» по удушению демократии».

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИВАЧЕВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НИКОЛОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Президент немецкого народа

К 75-летию со дня рождения Вильгельма Пика

Вильгельм Пик — человек большой целеустремленной жизни. На протяжении 60 лет, с того времени, когда он в качестве подмастерья столяра бродил по городам Германии в поисках работы, до наших дней, когда он стал президентом Германской демократической республики, он верно и честно служит делу рабочего класса, делу своего народа.

Позднее один из ветеранов германского рабочего движения, 85-летний Эуген Эрст рассказал на страницах немецкой печати о своих встречах с Пиком. — Итак, старина, теперь ты можешь похвастаться: кто же был прав? — сказал ему Вильгельм Пик при встрече в 1946 году. Эуген Эрст помнил еще времена Бебеля, когда Пик вставал против взгляда, что главной формой рабочего движения является парламентская борьба, не подкрепленная массовыми действиями. На протяжении всей своей сознательной жизни Вильгельм Пик последовательно и решительно шел революционным путем, воплощая в себе лучшие традиции немецкого рабочего движения.

С 1895 года, когда Вильгельм Пик вошел в социал-демократическую партию, он неустанно боролся за чистоту марксистского революционного знамени. Он шел в партии вместе с Карлом Либкнехтом, с Розой Люксембург, с Францем Мерингом, с Кларой Цеткин, с Эрстом Тельманом. Он был участником и руководителем многих героических боев германского пролетариата. Он был организатором антивоенной демонстрации женщин перед зданием рейхстага 28 мая 1915 года. Он был в числе создателей группы «Интернационал», явившейся ядром спартаковского союза, из которого выросла коммунистическая партия Германии. Вместе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург он был арестован в январе 1919 года, и только случай спас его тог-

да от участи Карла и Розы. Со дня основания германской компартии Вильгельм Пик неизменно был членом ее руководящего органа.

Период, прошедший после создания коммунистической партии Германии, является самым значительным в жизни и революционной деятельности Вильгельма Пика. Он участвует в коммунистической партии Советского Союза, у великих вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина, является соратником и приемником Эрста Тельмана в Германии, он соратник Георгия Димитрова в международном рабочем движении. Он решительно отстаивает единство действий всех демократических сил в борьбе против фашизма.

После разгрома Советской Армии гитлеровского фашизма Вильгельм Пик сыграл важнейшую роль в создании Социалистической единой партии Германии и Национального фронта Германии. Талантливый немецкий журналист и видный деятель Социалистической единой партии Германии Рудольф Геринг так писал: «Если бы Вильгельм Пик и Отто Гротеволь в своей жизни не сделали ничего другого, кроме того, что осуществили стремление немецкого рабочего движения к единству, — уже один этот факт сохранил бы их имена в истории».

В 1949 году председатель Социалистической единой партии Германии Вильгельм Пик был избран президентом новой Германской демократической республики. Ему, президенту, и Отто Гротеволь, премьер-министру республики, товарищи И. В. Сталин послал тогда историческую теле-

грамму, в которой писал, что образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы.

Путь Германской демократической республики отмечен большими успехами в восстановлении народного хозяйства, в укреплении антифашистского, демократического порядка.

«Время успехов началось», — говорил недавно Вильгельм Пик. — Успешная демократизация, новая роль, которую играет рабочий класс в нашей республике, его прочное сотрудничество со всеми демократическими и прогрессивными силами, успехи строительства, — все это неотделимо от нового положения, которое заняла в мире Германская демократическая республика».

Пик указывал, что одной из причин, вызвавших нерушимую дружбу с Советским Союзом, Вильгельм Пик часто повторяет известные слова товарища Сталина: «Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциалами в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа примут решение бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным».

Руководители новой Германии во главе с Пиком ведут неутомимую борьбу за создание единого демократического миролюбивого государства.

В Западной Германии американские империалисты выпускают на свободу воен-